

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“ при ЦК РЛКСМ

СОВЕТЫ ВОЖАТОГО.

Пионер в дни рождественских каникул.

Скоро наступят дни рождественского отдыха в школе. Пионеры две недели разгрузятся немного от своих школьных занятий. Ясно, что перед каждым пионером, перед каждым звеном и отрядом встает вопрос, как разумно и полезно провести каникулярное время.

Я был недавно в одном пионерском отряде и беседовал с ребятами о том, что они решили делать в дни отдыха. Вот что говорят пионеры:

Наши зимние каникулы будут протекать с 1-го по 14-е января. В этом же месяце 21 января исполняется годовщина смерти нашего дорогого вождя и учителя Владимира Ильича Ленина и поэтому первой нашей задачей в зимние каникулы будет подготовка к **ленинским дням 21 января**.

Пионеры! То, что сказали ребята в отряде, конечно, правильно и так поступить должны все пионеры СССР.

В ленинские дни рабочие и крестьяне, Коммунистическая Партия, Ленинский Комсомол, трудящиеся и угнетенные, которых защищал Владимир Ильич во всем мире, подведут итоги своей работы за год без вождя. А мы пионеры—юные ленинцы разве не должны проверить себя, достойны ли мы носить имя Ленина!

Мы, ребята, должны будем проверить себя, насколько мы готовы к выполнению заветов Ленина.

Конечно, ребята, мы должны это делать не только в дни каникул, когда у нас больше свободного времени. Ведь пионер должен быть ленинцем всегда и всюду, твердо и неуклонно **выполняя заветы Ильича**.

Но в эти дни мы особенно серьезно должны подготовиться к годовщине смерти Ленина.

Что же решили делать пионеры в эти дни? Прежде всего, Владимир Ильич Ленин всегда говорил, что нужно быть всегда связанными с массами, вести эти массы за собой. Пионеры, смена Комсомолу, будущая смена Коммунистической партии, должны этот завет Ильича помнить.

В дни отдыха, когда массы школьников и неорганизованных детей будут предоставлены сами себе, когда они, еще не воспитанные в пионерском духе, пойдут на религиозные праздники, елку, пойдут в церковь,—в эти дни пионеры должны будут организовать массы не организованных ребят.

Каждое звено каждый отряд при помощи форпоста должно собрать ребят и сговориться как лучше организованно и весело провести дни отдыха.

В один из дней отдыха можно будет устроить вместе с остальными ребятами пионерский вечер, на котором пионеры, вместо старых отживших россказней о „чудесах", которых никогда не было, покажут действительные чудеса—достижения науки и техники.

Для этого надо, конечно, заранее подготовиться. Надо сговориться с учителем в школе по физике, химии, подготовить несколько интересных опытов, может быть, поставить доклад пионера о радио, значении химии, авиации. Каждый пионер должен не только сам знать, но и суметь об'яснить другим ребятам, почему он безбожник, почему он не считает своим праздником ни рождество, ни пасху, а первое мая и день октябрьской революции. До вечера нужно провести в отряде беседы о том, откуда произошел праздник рождества и почему пионеры его не считают своим праздником.

Будет не плохо, если пионеры в этот вечер еще устроят маленький спектакль, поставят антирелигиозную пьесу, вроде „похода на рай". Будет очень хорошо, если пионеры в спектакле не только будут сами участвовать, но привлекут к участию других ребят. Тогда им будет интересней. Такой вечер надо закончить веселыми играми, пионерскими песнями.

Владимир Ильич Ленин оставил завет молодежи заниматься укреплением своего здоровья. Он говорил, что для борьбы нам нужны сильные здоровые люди.

А выполняем ли мы, этот завет Ильича? Подчас, нет, а между тем Владимир Ильич в молодости был хорошим спортсменом, любил кататься на коньках, на велосипеде, устраивать с товарищами лыжные экскурсии за город.

Пионерам надо быть такими же, как был Ильич.

В дни каникул, очень хорошо сговорившись с товарищами, под руководством вожатого в один из праздничных дней вместе с комсомольцами своей ячейки совершить экскурсию на лыжах, на коньках, за-город.

В дни отдыха, пионеры поставят себе задачей ежедневно, не менее 2-х часов, быть на воздухе.

Пионеры только тогда будут хорошей сменой комсомолу, когда свою работу будут связывать с тем, что делает комсомольская ячейка. Сговорившись с комсомольской ячейкой, они сумеют, конечно, принести большую пользу.

В день комсомольского рождества, пионеры примут участие, особенно старшие пионеры—комсомольцы. Отряд целиком и отдельные звенья, к комсомольскому рождеству могут плакаты разрисовать, костюмы заготовить, клуб разукрасить.

А последние дни отдыха, которые будут приближаться к годовщине смерти Ленина, пионеры также, как и взрослые товарищи, подведут итоги работы проделанной отрядом, учтут свои ошибки и с новыми силами примутся за работу.

Вожатый Яша.

Ребята! Последуйте хорошему примеру!

Мы дети Ставропольского Центрального дошкольного детского дома получили 3 номера журнала „Пионер" и хотим

Подписаться на 1925 год.

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН Ц. Б. ДЕТ. КОМ. ГРУПП им. В. И. ЛЕНИНА при ЦК РЛКСМ и НАРКОМПРОСА

№ 9 НОЯБРЬ 1924 г.

ЗА РАБОТУ В ШКОЛЕ.

Наконец-то, наши отряды практически приступили к работе в школе. Вот вам несколько примеров:

Что делать с пустыми уроками?

На заводе „Красный Сормовец", Нижегородской губернии, в заводской школе часто бывают пустые уроки. Чтобы урок даром не пропадал, пионеры решили занять его рассказами о своей пионерской работе, жизни в лагерях и т. п. Школьники слушают своих товарищей пионеров с величайшим вниманием,—никто слова лишнего не вставит.

Нужны школьные кооперативы.

И вот, в том же Сормовском районе один деревенский отряд создал школьный кооператив. Сначала пионеры собрали деньги на покупку тетрадей. Потом купили карандашей, книг и прочие нужные ученикам вещи. Кооператив поддержали, и теперь он работает во-всю.

За „Доброхим" и „ОДВФ"

рьяно взялись пионеры одной из школ Сокольнического района в Москве. Организовали при школе ячейки „Доброхима", „ОДВФ" и „О-ва друзей детей".

Работа закипела. Сейчас ребята устроили уголки и приступают к созданию кружков по изучению химии и авиации.

В том же Сокольническом районе, в одной из школ ребята ежедневно устраивают „десять минут пионерского слова", в которые один из пионеров говорит ученикам о пионер-организации.

Приготовлять уроки лучше совместно

—решили пионеры одной школы Красно-Пресненского района Москвы. Ребята из форпоста сначала сами разбились на группы для совместного приготовления уроков и помощи друг другу, а потом в эти группы привлекли и остальных школьников.

В другой школе пионеры форпоста свободные часы проводят с учениками занятия по физкультуре, игры и песни. Все ребята этим довольны.

Усилим работу в школе.

Но не во всех школах дело обстоит так. В иных даже форпосты не организованы. В других пионеры отделились от остальных учеников, замкнулись в своей среде и, конечно, только настроили против себя всех остальных ребят. Случается, что в тех школах, где нет форпостов и некому дело поставить, кое-кто из пионеров даже выходит из пионерского отряда. Правильно ли они поступают? Вместо того, чтобы привлечь других школьников в пионеры, они сами от пионеров отходят. Конечно, нельзя запускать школьные занятия, но выходить из пионерской организации не надо было. Надо сделать так, чтобы пионер-работа и учеба друг другу не мешали.

Во многих местах пионеры даже и не пытались начинать работу в школе. Вот это не по пионерски. Надо твердо помнить, что через школу мы легче всего сумели бы привлечь в свои ряды широкие слои ребят.

Усилим же, ребята, работу в школе там, где она или не начата или слаба. Не зевай! Лучше поздно, чем никогда.

Вожатый Миша.

Виктор Горный. *Рис. Н. Богатова.*

КОЛЬКА ШАРОМЫЖНИК.

(Из жизни ребят дореволюции.)

Колька возвращался с работы,—наработался за день. Целый день гонял на таратайке[1]) из разреза[2]) на свалку,—и обратно, взапуски с ребятами-гонщиками. Жарко было днем. Желтые слепни гудели и роились над лошадью. Солнышко на глине грелось и блистало, как самородки[3]). А теперь солнце за гору село, за синий лес и запуталось в его верхушках. Лучи, как паутины, протянулись над Колькиной головой.

— Колька, давай на-обгонки, погоним в казарму!

Рыжий мальчишка обогнал. Запрыгала таратайка по галям. Прогремела на мосту, как гром,— и скрылась за бараками. Рванулась Колькина лошадь вслед, но Колька сдержал ее на вожжах.

— Тьчч!..

Устал, не хочется в казарму. Вспомнил отца, задавленного в забоях[4]), который лежит на нарах в каморке и кровью харкает на бревенчатый пол. И мать рядом сидит с ним,—бледная, согнутая, как человек, вытащенный из шахты, и ничего не говорит ни отцу, ни Кольке, только мокрые, холодные портянки больному на грудь накладывает.

Не хочется в казарму, робить лучше день и ночь...

У моста ребята встретились, сверстники ему.

— Колька, айда в бабки играть!

— Устал я, робя.

— Вот, устал. Как большой... робить начал и в бабки не хочет играть.

— Некогда мне... Я ведь с шести до шести роблю,—не высплюсь; если поиграю с вами, так и не встану завтра. В шесть, ведь, надо!

Пожалели ребята Кольку. — Заробился уж, а товарищ какой был!? Везде атаманствовал. Смотрительских ребят лупил с ними, и управителю стекла выбили. На ночевую рыбачить вместе ходили; окурки вместе собирали и под таратайкой за керосиновым складом курили. А окурки у смотрительских окон—вот такие, с палец толщины и только на половину выкурены.

Посмотрели в спину Кольки и снова играть начали,—бабки, как в очередь, по парам выстроили. А Колька выпрягал Гнедка: еле хомут стянул,— шлею из-под хвоста с подстановки вытягивал. Стащил сбрую под навес и пошел в казарму. Оттуда собака, его любимая, бросилась навстречу.

...Мать, как из шахты вынутая.

— Мухтарушка, а...

Забилась под ноги и нырнула в темный коридор казармы. Пошел за ней. В коридоре махоркой в нос ударило, портянками вялеными, маханом. Татары пилят на гармошке за перегородкой. Тихонько открыл дверь в свою каморку. Мать, как из шахты вынутая, сидит на нарах в ногах у отца. Лицо у отца, как илом, замазано, черное и не шевелится. Только мать посмотрела на Кольку. Показалось ему, что у ней хрустальные камешки из глаз выпали.

— Устал, поди, Колюшка?

— Нет...

А плечи и руки ноют. Целый день с большими глину в таратайку накладывал. К запыленному окну подошел, будто мошкара седая облепила его. Пальцами протер окно, на улицу захотелось,— уйти к ребятам... Они играют... Свалки, глина, синий лес и речка,—уйти бы туда.

— Коль, ты пойди, на плите похлебка стоит. Хлеба-то нет. Попроси у каморницы[5]), она даст взаймы кусок. Отдадим потом, как отцу пособие дадут.

Не с'ел Колька куска, а в глотке застрял он,— сухой, поперек горла стал. Навернулась слеза, сосулькой на носу повисла. А отец шептал:

— Умру я, мать... Не жилец я на свете.... Береги Кольку, заместо меня робить будет.— И закашлял. Как глину размокшую выхаркивал. Бороду сгустками замазал, как сырыми яйцами. Глаза провалились и светятся, как вода в шахтах.

— О-ох... Умру я, мать... Получите трешну в сберегательной и живите... Колька-то теперь на ногах уж, проживете как-нибудь.

Совсем расплакался Колька, брызнули слезы, как родник из камней, что в горах, светлой водой,

[1]) Таратайка—двухколесная тележка.
[2]) Разрез—место земляных работ.
[3]) Самородки—куски золота.
[4]) Забой—земляные подкопы.
[5]) Каморница—сторожиха в бараке.

как роса брызжет. Собирал на руках слезы. Тяжело стало, будто землей засыпало,—не дохнешь. Ушел на улицу. Под таратайки залез, которые за керосиновым складом в кучи свалены, и лежал там. Мухтарка прибежал за ним, юлил вокруг него и в лицо лизал,—слезы слизывал. Долго лежал на спине. Вечер таежный налез на прииск, как медведь бурый,—вот, вот бросится из лесу и облапит. На бревнах собрались парни и бренькают в балалайку, песни полились,— а ему тяжело. На поляну пришли вятские рабочие. Стаканами забрякали и четверти вина выставили.

— Пей, лапотники. Здорово заробили—по сотне на брата!

— На жилу наткнулись в „Лесной выработке". Золота в этой жиле!.. Только казаки не накрыли бы, а то богатеи будем,—нашаромыжим!

— В Вятку зимой, с денежками!

— Вот они!

Золотом в карманах забрякали. Пили. Как змея на траве вытянулся Колька. Дыхание сперло, думал:

— Вот бы пошаромыжнить. Хлеб был бы. Доктора для тятьки выписать можно!

И уехали с деньгами с приисков от казаков этих, от управителя, от ребят ихних. Бить их нельзя—набьешь их, а они нюни распустят...

Бутылки остались на том месте, где они пили. Пока мечтал— вятские ушли. И бумаги, как голуби, белели на полянке. Вылез из под таратаек. Зашел к лошади, напоил ее и полез на сеновал спать, где все приисковые ребята спят. Они еще не спали.

— Колька, это ты лезешь?

— Я.

А мы тебя ждем. Мишка вон новую сказку знает, про то, как попа солдат 'обманывал. Но не до сказке было Кольке. Залез в середину между Ванькой и Мишкой и начал шептать на ухо:

— Ребя, айда-те завтра шаромыжнить.

— Куда?

— В лесную выработку. Жилу там вятские нашли. Много заробили!

Стараются ребята, работают.

— Н-но?

— Ей-бо. По сто рублев на рыло пришлось. Снасти ихние стащим и будем шаромыжить— Я умею... Ох, и заробим, робя... Пойдемте, што-ль?

— Знамо, пойдем.

Всю ночь Колька ворочался, на звезды, на небо, смотрел, будто в колодезь, в котором золотые блестят. Когда засыпал, то снилось ему, что он богатый: денег у него сто рублей и под'езжает он к казарме с доктором, на Гнедке, запряженном в коробок. А мать стоит такая веселая и улыбается.

— Коленька, милый, спаситель ты наш..

Утром, когда солнце вылезло из-за леса и воробушки зачирикали под крышей,—ребята проснулись. Мишка сбегал в барак, притащил три ломтя хлеба и разделил: Кольке, Ваньке и себе,—всем по ломтю. Сорвали по дороге луку и пошли к „Лесной выработке". По галям шли, потом по глине босыми ногами шлепали. Зашли в лес, ландышами запахло и елками. Дятлы стучат. Повернули к речке Смородинке и пошли берегом, в кустах. Красную и черную смородину срывали и ели с хлебом. Поднялись на бугор, а там и „Лесная выработка" зажурчала водою, как стеклышками заблестела. Мухтарка уток спугнул в камышах и залаял на них.

— Хав-ав-ав...

Разыскали под кустами снасти, желоб вытащили, лопаты, кирки и ковшик. Колька за старшего был. Желоб настроил, воду по канаве пустил и промывать начал, а Ванька и Мишка глину подтаскивали. Замутилась вода, заблестел мокрый песок, рады стараться ребята,—работают. А солнышко так лениво ползет и ползет над лесом,—любуется, как ребята шаромыжат. Слепни гудят. Кусты покачиваются, как ветерок дунет. Шипига цветет. Лепестки, как бабочки, летают. Любо ребятам. А Колька подбадривает:

— Скóрей, ребята, кончать надо. Солнышко ужинать отправляется.

На бугре, около тропки, в лиственях Мухтарка залаял. С хрипом так, будто от медведя пятится.

— Ребя, не медведь ли?

— А если медведь, куда, а? Бежим, ребя!

— Нет, это так... Глухаря нашел, наверно... Давайте промывать — довольно уж...может, с фунт золота уж набралось. Кончим и пойдем домой. Колька засучил рукава и стал выбивать дерно. А Мухтарка лает, да лает, все ближе и ближе...

Вдруг кусты зашумели, раздвинулись. Из-за них морды лошадей высунулись.

— Ребя, казаки, удирай!

Бросились бежать. Казаки за ними.

— А, держи, держи, их.

Стриганули ребята в кусты, в разные стороны, ноздри распустили, сучья под ногами трещат, будто лоси от охотников удирают. Колька бросился в верх из лога, в смородиновые кусты. Мухтарка за ним,—под ногами путается... По оврагу пробежал и стал подниматься на верх, чтобы оттуда в леса удрать. Вот уж за корни уцепился, за траву поймался—на верх,—вот, вот... Карабкается... Но вдруг морда лошади ткнула в спину.

— Стой, бродяга, попался...

Здоровенная казацкая рука схватила за шиворот, как копну сена на вилах подняла. Задрыгал Колька ногами и руками, словно котенок, которого за шиворот схватили.

Казаки окружили. Ванька и Мишка удрали. У одного казака усы, как утаракана, ходят...

— Сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— Чей ты?

— Тятькин.

— Это мы знаем. А хвамиля как?

— Пытают, подумал Колька. Если скажу — тятьке плохо будет, — уволят с приисков.

— Чей ты, говори?

Молчит Колька, как воды набрал. Так и не сказал фамилии. А казаки злятся. Желоб раскололи, разворочали все и повели Кольку между лошадей. Старый казак, с красными лампасами на синих штанах, плеткой ударил, лопнула Колькина рубаха, как паутина расползлась. Ойкнул Колька и заорал, как змеей ужаленный.

— Вот тебе, коли хвамилю не говоришь, все равно узнаем,—хуже будет.

И так худо Кольке, кровь красным бантиком на спине выступила. Мухтарка дыбит шерсть и плетется сзади, как мать за арестованным сыном. По узенькой тропке двигались. Впереди мостик над речкой Смородинкой. Синяя речка, облака в ней белые купаются, кустами обросла смородиновыми. Быстро бежит с гор, пенится под кустами.

— Прыгнуть,—подумал Колька.

И только зашли на мост, Колька бросился под ноги лошадям и бухнулся в воду. Ожгло холодной водой, понесло по течению. Рубаха пузырем вздулась у ворота.

— Держи, держи-и!

Казаки начали стрелять. Пули чокаются об воду. Столпились казаки на мосту, а Колька плывет и плывет,—вот уж совсем уплыл, не видно их. Ухватился за куст и вылез на берег. Отряхнулся, как гусь, растопырив руки. Глянул на другой берег, а там Мухтарка скулит. Жалко стало собаку бросать. Нырнул опять и переплыл к ней.

— Мухтарушка, милый, видишь, какие люди... Золота жалко, в земле, ведь, оно,—ничье...

— Земля-то для них, видно, дадена, а нам помирай, да не тронь. Умирать, видно, тятьке!

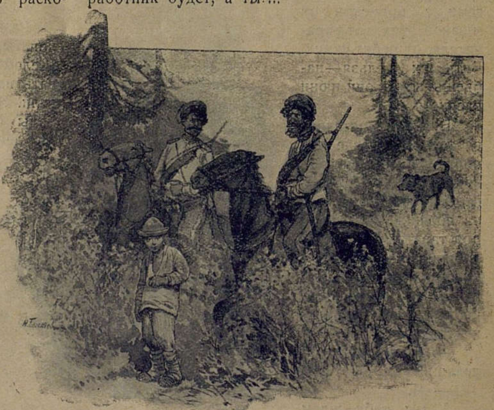
Круглыми, как смородинки, глазами заглядывал Мухтарка в Колькины глаза, хвостом пошевеливал. Рана Колькина размокла и заныла. Снял рубаху, выжал и повесил на куст. Присел на мох и задумался. И белые облака над лесом задумались. Забоялся показываться на прииск—узнают; допытается мать, отчего рубаха рваная и рубец на спине, беспокоиться будет... А тятьке один конец—помирать!

На прииск Колька вернулся усталый, голодный, двое суток пролежал в лесу. У казармы встретился со своим забойщиком. Лохматый такой, здоровый. Сапоги глиняные на нем и нос, как малина переспелая.

— Ты где был, сволочь, а? Меня без работника оставил. День у меня пропал без загонщика, другого искать надо было.

— Да я, дяденька... Ну, прости меня,—не буду больше. Завтра опять робить выйду.

— Робить, робить... Ладно, што там, а то бы тя—под суд... Денег ты с меня ни копейки не получишь и робить тебе не надо. Я уж другого нашел. Мать, ведь, за тебя просила—взял. Думал, работник будет, а ты?...

Повели Кольку.

— Нет уж не надо,—робь, де хошь!

Повернулся, как медведь, и ушел. Горько, обидно стало Кольке. Совсем забоялся в казармы идти. Отец умирает, а он...

— Уволили, уволили. Как быть? как жить?...

И не пошел домой. Встретил Мишку, тот боязливо подошел к нему.

— Колька, тебя поймали?

— А тебя?

— Меня нет...

— Меня поймали и надрали,—убег я от них.— Слушай, Мишка, принеси мне хлеба, украдь у матери, есть я хочу,—два дня, кроме ягод, ничего не едал. Не пойду я домой теперь. Хозяин с работы уволил. На другие прииски уйду. Робить там буду, а деньги матери вышлю... Принеси, Мишка, и луковку, сорви на огороде.

— Ладо, пойдем, ты посидишь у конторы, а я тебе принесу.

Убежал Мишка, показывая пятки. Колька уселся на крыльце, задумался, слеза прошибает, горько. Только солнышко такое доброе, ласковое, гладит Кольку по волосам, в глаза щекочет. Лохматое такое, таежное солнышко, а доброе, никому зла не приносит, всех одинаково греет.

И вдруг опять заметил Колька: казаки к конторе под'езжают

— Куда?... Спрятаться надо,—подумал Колька.

Слезли они с лошадей и идут в контору, прямо на него. Земетили Кольку.

Смотрителю под ноги.

Шмыгнул Колька в коридор и за дверью спрятался. Идут. Ногами, как шашками, по ступенькам стукают. И опять здоровая рука просунулась за дверь, шарит, как крота в норе выискивает. Пригнулся Колька, дыхание затаил, но не помогло. Будто клещ, вцепился казак за волосы и вытащил из-за двери.

— А, попался таки. Вот теперь ты скажешь свою хвамилю!

Сторожиха из конторы не вытерпела и прошамкала:

— Это Тимофея забойщика сын. Отец-то его задавлен теперя.

— Вот-оно... Бог наказал отца-то... и сын таков... Ах, ты, шаромыжник эдакой...

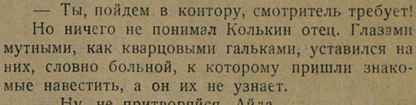
— Я вот доложу смотрителю... Сукин-ты сын... И дал пинка Кольке.

Пустился он бежать без оглядки. Увидел его Мишка и за ним, догонять, с краюшкой хлеба, как за жеребенком.

— Колька, Колька, куда ты? Постой!

Но Колька бежал и ничего не замечал, будто заяц, которого собаки затравили. Бежал, бежал и скрылся в лесу за выработками.

На другой день Колькина отца в контору потребовали. Пришли двое казаков с нагайками. Нагнулись к больному, к самому лицу, как два медведя к падали, чтобы мордами разрывать ее и пожирать.

— Ты, пойдем в контору, смотритель требует!

Но ничего не понимал Колькин отец. Глазами мутными, как кварцовыми гальками, уставился на них, словно больной, к которому пришли знакомые навестить, а он их не узнает.

— Ну, не притворяйся. Айда.

И, как медведи, лапали, хватали его под мышки. Не выдержала Колькина мать, расплакалась.

— Да што вы, не люди што-ли? Креста на вас нет. Куда вы его больного-то. Целый месяц с постели не вставал он, пошевелиться не может. Ох, батюшки мои, люди вы, аль скоты, убили человека, раздавили, и умереть-то ему спокойно не дадут!

— Ну, ты не очень-то. Я вот тябя нагайкой опояшу, так замолчишь. Давай, помогай нам вести его в контору. Раз начальство требует, значить, закон.

Ничего не помогло. Никакими мольбами не упросила казаков. Подцепили они больного под мышки и повели по прииску в контору. Не шел он, а тащили они его, как пьяного, напившегося в дрезину. Стонал, мычал, зубами скрежетал. А жена его шла сзади, согнутая, как вытащенная из шахты, покачивалась из стороны в сторону и в грязный платок слезы и кашель собирала,—чахотка, видно, у ней завелась.

Еле дотянулись до конторы. Будто скелет старинного человека откопали и в контору привели. А смотритель сидел у себя в кабинете и толстые с палец папиросы курил. Посмотрел на приведенного и чуть не стошнило его. Худой передним стоял Тимофей забойщик. Глазами, ничего не понимающими, смотрел. Кровь сгустками на бороде размазано.

— Вы не подводите его близко.

А потом строго обратился к Тимофею.

— Вот что, любезный, убирайтесь-ка в 24 часа с приисков, поняли...

Но Тимофей только глазами водил по потолку. Бухнулась Колькина мать смотрителю под ноги.

— Кормилец ты наш, родитель ты наш, не губи ты нас, пожалей... Смилуйся над нами, несчастными людишками, не гони ты нас, дай хоть ему спокойно умереть...

— Довольно, чтоб завтра же вас здесь не было!

— Да куда же мы, ни денег у нас, ни хлеба— ничего нет. Подводу нанять не на что. И за што уж такая немилость?!

— И то милость—а то бы в Сибирь, в рудники. А еще даю вам милость—подводу вам казенную

дам, доедете до железной дороги, а там—куда знаете.

— Милость, такая милость... Погубитель ты наш...

Завыла, остро до боли, поняла, что не упросить его. И только сам Тимофей ничего не понимал, закашлялся и нечаянно выхаркнул сгусток крови на стол, на зеленое сукно.

— Выведите, выведите их...

Долго брел Колька по лесу, по дороге на другие прииски. Один-одинешенек шел по тропкам. Тихо в лесу, белки с сосны на сосну прыгают, будто варежками перебрасываются деревья. Кукушка закуковала где-то, забылся Колька, про все забыл.

— Кукушка, кукушка, сколько мне лет жить?.

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку...

И считал Колька, сколько он лет проживет И много насчитал,—значит, большой будет, вырастет,—и подумал:

— Вырости бы мне большому, сильному. Прогнал бы казаков, управителя и зажить бы без них, чтобы земля была бы не ихняя, а всех,—кто работать хочет. И вспомнил опять отца, умирать которому надо. Забоялся в лесу. Показалось, что на дороге с косой смерть стоит. Забоялся, и лес дремучий стал темным. И кукушка замолкла, и дятлы утихли, и белки не прыгают уж. Страшно. Повернулся Колька и бежать, и бежать обратно, на свой прииск. Бежал, бежал—пятки сверкают, ноздри распустил, волосы, как у ежа, вздыбились.

Прибежал на прииск. Видит—у крыльца телега стоит, а в ней, на грязных подушках, отец лежит.

— Не в больницу-ли отвозят? Робко подошел к матери.

— Куда-то, мама?

— Выгнали нас, Колинька, совсем выгнали, на все четыре стороны отправляют...

— Ой, горюшко наше... Жизнь наша бедняцкая.

Резнуло Кольку по сердцу.

— Мама, прости меня... Шаромыжник я этакой... Тятьке помочь хотел, а тут...

— Колька, Колька, что ты сделал? Ой, горе наше!

Обхватила костлявыми руками, прижала его голову к сухой груди.

— Коленька, сынок, не забудь ты эдакой обиды... Вырастешь большой...

Заскрипела телега. Медленно потянула ее лохматая изгорбленная лошаденка. Взглянул Колька последний раз на казарму, на сеновал, где все приисковые ребята спали.

— Не поспать уж... Не расскажет Мишка сказки про то, как солдат попа обманывал. Не куривать смотрительских окурков и не бивать ихних ребят...

Прощай, все на свете прощай!

Выглядывали из бараков рабочие и бабы из казарм. Поглядывали на телегу так, как будто гроб на ней везли. На выезде ребята с гармошкой встретились, приумолкли, — зажали серебряное горло гармоники.

— Прощай, дядя Тимофей. Колька, прощай... Прощайте.

Солнце за гору садилось, красными мотками лучей обмотало лбы утесов, золотом обсыпало сосны. Уехали. Маленьким приютился прииск на склоне горы. Мыслями оторвался от него Колька.

— На новые места теперь, куда глаза мои глянут.

Вдруг по дороге, назади, заклубилась пыль.

— Не погоня-ли? Не казаки ли снова гонят?

Золотым клубком завивается пыль, катится за телегой...

— Мама, Мухтарка за нами гонится.

Спрыгнул Колька к нему навстречу, обхватил его за шею.

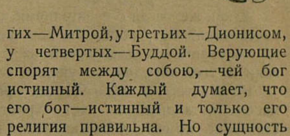
— Мухтарушка, друг мой, единственный И ты с нами? не остался с казаками, погоди,—вернемся!

Ем. Ярославский

Что должен знать пионер о Рождестве?

Считается, что 25 декабря 1924 года тому назад родился спаситель мира, отцом которого был бог, сидящий на небесах, а матерью Мария, которая имела мужем плотника Иосифа и в которую вошел, непонятным для человека образом, какой-то святой дух в виде голубя. Но, когда мы начинаем изучать древнюю историю, то мы видим, что в это время другие народы, которые ничего не знали об Иисусе Христе, праздновали рождение своих богов. За 322 до рождества Христова постановлено было считать полководца Александра Македонского или Александра Великого богом и день его рождения установили 25 декабря. На 25 декабря праздновали день рождения древнего бога Адониса, греческого бога Диониса, персидского бога Митры. Рассказы про этих богов, про их рождение, их жизнь и смерть, как две капли воды, похожи на рассказы об Иисусе Христе. В Египте рождение бога праздновалось 6-го января. Поэтому, когда стало распространяться в Египте христианство, то долго еще египетские христиане не могли отвыкнуть от праздника рождения их прежних богов и еще 431 год праздновали рождество христово 6-го января. Армянская христианская церковь и доныне празднует рождество на 13 дней позже. Так как самое рождество христово было выдумано, то-есть никакого рождества спасителя не было, то отцы церкви долго спорили о том, когда это было, и только в 354 году после так называемого „рождества христова“ установили день рождения его 25 декабря.

Какие же выводы надо сделать из всех этих известных нам данных?

1) Другие народы задолго до Христа праздновали рождение своих богов около этого времени, в день 25 декабря.

2) В точности даже самые отцы церкви не знали, когда родился этот самый сын божий, и только значительно позже придумали и установили этот день.

Почему боги родятся 25 декабря?

Когда близко познакомишься с учением разных религий, то замечаешь удивительное сходство, особенно это сходство в обычаях. Религии будто бы разные,—у одних бог называется Христом, у других—Митрой, у третьих—Дионисом, у четвертых—Буддой. Верующие спорят между собою,—чей бог истинный. Каждый думает, что его бог—истинный и только его религия правильна. Но сущность религии и обычаи мы наблюдаем у этих разных народов в разных религиях почти одни и те же. Когда первые христианские проповедники пришли в языческие страны и увидели там обычаи и церковные обряды, точь в точь похожие на христианские, и праздники почти такие же, они очень удивились; и некоторые из них говорили так: „это, наверное, дьявол, чтобы помешать проповеди христианского вероучения, забежал вперед и научил язычников совершать обряды и праздновать праздники такие же, как у христиан“.

Но так ли это? Конечно, не так. А дело было гораздо проще. Различные народы в разных концах земного шара давным давно зависят целиком от власти природы. Будет ли тепло, будет ли солнышко, скоро ли конец зимы, скоро ли наступит новый расцвет жизни, новый солнечный год? От этого зависело и сейчас еще зависит во многих местах жизнь многих и многих миллионов крестьян. Поэтому крестьяне в разных странах очень внимательно наблюдали за солнцем. В день 25 декабря наступает зимний солнцеворот. Солнце поворачивает на весну, как говорят. Что это значит? Это значит, что земля, оборачиваясь вокруг солнца, становится в такое положение, когда в северном полушарии, в котором мы живем, после самого короткого дня, дни начинают увеличиваться, ночи уменьшаться. Еще будут холода, но повернуло уже к весне. Разве это не праздник? Разве нечему радоваться тут, нечему ликовать крестьянину? А так как для него далекое солнце было непонятно и так как от этого солнца зависела вся его земледельческая жизнь, то он с течением времени солнце обратил в бога.

Значит, день 25 декабря выбран разными народами, как день рождения своих богов, потому что день этот имеет большое значение для земледельческих народов, как день зимнего солнцеворота, как день, с которого многие народы считали новый год.

С этого дня день начинает увеличиваться, как бы рождается новое солнце, как бы начинается, действительно, новый год растительной жизни.

Был ли Христос?

Конечно, спасителя мира, сына божьего не было, так же, как не было бога Диониса, бога Митры, бога Будды. Так же, как придуманы были эти боги, так же придуман был и бог Иисус Христос.

А как же тогда с евангелиями, с евангельскими рассказами? Вот, когда мы хорошенько примемся за эти евангелия, да сравним их с древними книгами других народов, то увидим следующее:

Во-первых, в евангельских рассказах такая масса путаницы на счет Христа, что каждое евангелие по-своему рассказывает об этом. Родословная Христа у одного евангелиста придумана одна, у другого—другая и не сходятся. Даже у царей была точно записана родословная, а как же так, родился сын божий, спаситель мира от человека, и неизвестна его родословная точно.

Во-вторых, сам Иисус о себе ни слова не написал, хотя евангелисты говорят, что он был очень грамотен и начитан. Евангелия составлялись более 100—160 лет, а некоторые писатели около 300 лет после так называемого рождества Христова передавали все с чужих слов и выходило так, что „мой дядя видал, как наш барин едал“.

Никто из живших в то время писателей не описал ни жизни, ни личности Иисуса Христа. Как же это может быть? Описывали жизнь любого военачальника, правителя мелкой какой-нибудь области, а спасителя целого мира пропустили, не заметили. Если жил Иисус Христос и, действительно, вся история, написанная в евангелии, была, так целые книги были бы написаны в то время о Христе. Вот, скажем, сейчас умер Ленин, так сколько о нем написано, каждая даже мелочь в его жизни описывается, и не только друзья об этом пишут, но и враги. А о Христе—ни слова у самых крупных писателей того времени. И только позже, когда уже явно стало неловко и стали на это указывать попам, они присочинили кое-что, подделали и вставили несколько строчек в сочинения еврейского историка Иосифа Флавия и в сочинения греческого писателя Тита Ливия.

Другими словами, короче, евангельские рассказы о Христе—сказания, не больше.

Нужны ли нам церковные праздники?

Как-то привыкли к прежним праздникам и отвыкнуть от них сразу трудно даже неверующему человеку. Человеку, который трудится, который работает до устали, надобен перерыв в работе время от времени. И в хозяйстве крестьянском такие перерывы бывают, и они подгонялись всегда к таким дням, когда в крестьянском хозяйстве наступала какая-нибудь перемена: перед посевом, перед покосом, после жатвы, после сбора урожая, перед новым хозяйственным годом, в день солнцеворота, в день равноденствия, когда день равен ночи (Ивана Купалы) и другие дни. Освобожденный народ делает перерывы в своей работе, празднует дни, когда совершались те или другие важные события в его жизни: 1-го мая, 7-го ноября и другие. Нам нет надобности отказываться от таких революционных праздников. А такие дни, которые связаны с хозяйством, может быть, и в будущем останутся днями отдыха, днями праздника. Нам надо только освободить эти дни от всяких вымыслов, всяких сказок о несуществующих богах и чудесах. Нам надо наполнить эти праздники разумным весельем, знанием, научиться, как нам дальше улучшать нашу жизнь, как вести освобождение хозяйства от власти природы, как покорить эту природу человеку. Нам надо в эти дни учиться, что никакие боги и сыновья божии нас не спасут, что спаситель мира—это труд человека, это знание трудящихся, вырванное из рук эксплоататоров, тунеядцев, капиталистов и помещиков.

О. Черный.

Рис. худ. Соколова—Аси.

ПОХОД НА РАЙ

ДЕЙСТВУЮТ:

Отряд юных пионеров:

1. Вожатый отряда:

Звено „Безбожник"	Звено „Воздухофлот":	Звено „Пожарник":
2. Вожатый звена „Безбожник". 3. 2-й пионер. 4. 6-й пионер. 5. Секретарь. Еще несколько пионеров.	6. Вожатый звена „Воздухофлот". 7. 1-й пионер. 8. 4-й пионер. 9. 5-й пионер. Еще несколько пионеров.	10. Вожатый звена „Пожарник". 11. 3-й пионер. Еще несколько пионеров.

Святые:

1. Николай угодник. 2. Петр-ключарь. 3. Пророк Илья. 4. Георгий победоносец.	5. Св. Пантелеймон. 6. Св. Власий. 7. Св. Владимир. 8. Святой дух (из бумаги).	9. Гаврил, 10. Михаил — архангелы.

ДЕЙСТВИЕ 1-е.

Заседание Совета Отряда Юных Пионеров. Секретарь пишет протокол, положив бумагу на барабан. Ребята сидят на полу.

Вожатый отряда: Заседание Совета Отряда считаю открытым. Надо выработать план работы. *(1-й пионер поднимает руку, вожатый кивает ему головой)*

1-й пионер: Ребята! никакого плана не надо. Давайте лучше придумаем, что-нибудь сделать.

2-й пионер: Так ведь это же и есть план работы.

1-й пионер: Это план?

2-й пионер: План.

3-й пионер: Так это, ты говоришь, и есть план?!

2-й пионер: Да, конечно, план!

1-й пионер: Тогда я согласен. Давайте придумаем план.

Все: Давайте придумаем! *(Думают, указательные пальцы приставлены ко лбам)*.

Секретарь: Я придумал!

Голоса: Что?.. Что придумал?.. Расскажи!.. Вот молодец!..

Вожатый отряда: Т-ссс!.. пусть он расскажет. *(Секретарю)* Ну, что ты придумал?

Секретарь: Вы будете говорить, а я буду записывать в протокол—вот и будет план работы! *(Все смеются)*.

2-й пионер: Тоже придумал! Да так и все мы придумаем.

1-й пионер: Ребята, я придумал!

Вожатый отряда: Ну?

1-й пионер: Давайте опять думать. *(Все опять приставляют указательные пальцы ко лбу и думают)*.

Вожатый звена „Безбожник": *(тихо)* Ребята, давайте устроим поход на рай. *(Все отнимают пальцы от лбов и смотрят на него)*.

3-й пионер: *(про себя)*. На рай?.. *(Смотрит вверх)*. А что мы там будем делать?

1-й пионер: Как же мы туда залезем?

Вожатый отряда: А у меня есть свой план.

Секретарь: План?!.. Так говори его скорей, а я буду писать!

Вожатый отряда: Звено „Воздухофлот" поднимется на облако на воздушном шаре и спустит веревку. Звено „Пожарник" привяжет к ней лестницу. Звено „Воздухофлот" поднимет лестницу и приставит к облаку. Мы все влезем. Потом поднимем лестницу, полезем выше и по облакам пойдем к раю. А в раю звено „Безбожник" наведет порядки.

2-й пионер: Ребята! Качать его!

Все: Качать его!!! *(Хватают вожатого отряда и качают его)*.

1-й пионер: *(показывает на вожатого звена „Безбожник")*. И его тоже качать!

Все: Качать! Кача-ать! *(Хватают вожатого зв. „Безбожник" и качают его)*.

Секретарь: А это тоже записывать?

Вожатый звена „Безбожник": Нет. Это в план не входит.

Вожатый отряда: План слышали?

Все: Слышали!

Вожатый: Принимается?

Все: *(поднимают руки)*. Принимается!

Вожатый отряда: Больше вопросов нет?

Все: Нет!

Вожатый отряда: Тогда считаю заседание Совета Отряда закрытым. Надо собрать отряд и об'явить о походе. *(Горнист трубит сбор. Ребята сбегаются со всех концов, в том числе и из публики. Шум, крик)*.

Вожатый отряда: Ребята! *(Все стихает)*. Сейчас на Совете Отряда мы решили устроить поход на рай. Выступаем сегодня.

Все: Ур-ррр-ааа!!! Ур-ррр-ааа-ааа!!!

Вожатый звена „Воздухофлот": *(отходит к левой стороне сцены, протягивает руки врозь)*. Звено „Воздухофлот", стройся! *(Звено „Воздухофл." строится)*.

Вожатый 7 звена „Воздухофлот": *(звену)*. Для похода нужно притащить поскорей: воздушный шар, якорь и бичевки! *(Свистит. Ребята убегают со сцены)*.

Вожатый звена „Пожарник": *(отходит к задней стороне сцены, протягивает руки врозь)*. Звено „Пожарник", стройся! *(Звено „Пожарник" строится)*.

Вожатый звена „Пожарник“: Принесите скорей лестницу и веревки! (*Свистит в свисток. Ребята убегают со сцены*).

Вожатый звена „Безбожник“: (*отходит к правой стороне сцены, протягивает руки врозь*). Звено „Безбожник“, стройся! (*Звено „Безбожник“ строится*).

Вожатый звена „Безбожник“: Принести список святых, клетку и бумаги! (*Свистит в свисток. Звено убегает со сцены*).

(*Как только зв. „Безбожник“ удалилось, входит звено „Воздухофлот“: 4 человека тащат воздушный шар, остальные якорь и бичевку. За звеном „Воздухофлот“ идет звено „Пожарник“:—тащат лестницу и веревки. Немного погодя, приходит и звено „Безбожник“ со списком святых, клеткой и бумагой*).

Вожатый отряда: Отряд, стройся! (*Отряд строится. Впереди—звено „Воздухофлот“, за ним—звено „Пожарник“ и, наконец, звено „Безбожник“*).

Вожатый отряда: В поход, шагом марш! (*Отряд с барабанным боем обходит один раз сцену и уходит со сцены*).

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ 2-е.

Некоторое время сцена пустая. Потом, крадучись, выходит один пионер, оглядывается, смотрит вверх.

4-й пионер: Т-ссс... (*Тихо свистит*). (*За сценой отвечают свистком*).

4-й пионер: Иди сюда!

5-й пионер: (*вбегает*). Ну, как?

4-й пионер: Место очень хорошее. (*Оба оглядывают место*).

5-й пионер: Да, отсюда удобно будет подниматься.

4-й пионер: Свисток?

5-й пионер: Есть! (*5-й пионер громко свистит в свисток. За сценой отвечают свистком. Слышно пение: „Долой, долой монахов...“ и т. д. На сцену выходит отряд, обходят с пением сцену, останавливаются, перестают петь*)

Вожатый отряда: (*оглядывается 4-му, и 5-му пионерам*). А место подходящее.

Вожатый звена „Воздухофлот“: Ребята, готовь шар! Сейчас будем подниматься. Вот, как это облако подойдет (*показывает рукой вверх. Все туда смотрят. Звено „Воздухофлот“ тащит шарик. Вожатый звена „Воздухофлот“ привязывает шарик себе к поясу. Остальные держат его*).

Вожатый звена „Воздухофлот“: Теперь давайте якорь и бичевку! (*Дают. Он привязывает и это себе к поясу*).

Вожатый отряда: Готово?

Вожатый звена „Воздухофл.“: Готово!

Вожат. отряда: Видишь это облако?

Вожатый звена „Воздухофлот“: Вижу.

Вожатый отряда: Остановишься на нем.

Вож. зв. „Воздухофлот“: Ладно! (*Ребятам, держащим его*). Пускай! (*Его пускают, он летит вверх. Машут руками*).

Секретарь: Ого, как он высоко залетел!

6-й пионер: А вдруг он упадет!

2-й пионер: Не упадет. Веревки крепкие.

Вожатый звена „Пожарник“: (*кричит*). Зацепил! Зацепил!

6-й пионер: Смотри, вылезает на облако!

Секретарь: Ребята! Он якорь спускает к нам!

В с е: Урр-ррр-ааа!!! (*Сверху спускается на бичевке якорь, на якоре клочек бумаги—записка. Все бросаются, хватают якорь. Вожатый отряда снимает записку*).

Вожатый отряда (*читает записку*). „Привяжите к якорю веревку, а к веревке—лестницу—я подниму“.

Вожатый звена „Пожарник“: Давай веревку! (*Ему дают веревку. Он привязывает к якорю один конец, а другой—к лестнице*).

Вожатый звена „Пожарник“: (*кричит вверх*). Тяни-и-иии!!! (*Якорь не поднимается*).

Секретарь: Тяни-иии!!!

1-й пионер: Он очень высоко—и ничего не слышит.

Вожатый отряда: Давайте все вместе закричим, тогда он услышит. Ррраз, два, три!..

В с е: Тя-ни-нии!!! (*Якорь поднимается вверх, за ним—веревка и, наконец, лестница. Лестница ставится к задней стене*).

6-й пионер: Я первый полезу!

Голоса: Нет я!.. Я!.. Пусти!.. Я... Не толкайся!..

Вожатый отряда: Тише! (*Все смолкают*). Звено „Воздухофлот“ лезет первым. Марш, ребята! (*Звено „Воздухофлот“ лезет*). Звено „Пожарник“ за ними. Последним—звено „Безбожник“.

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ 3-е.

Позади сцены большая дверь. На ней надпись: В р а т а р а й с к о й о б и т е л и. Около двери на табуретке сидит ап. Петр. В руках у него громадный ключ.

Петр: (*В шубе и в валенках*). Брррр... (*Плотнее запахивается в шубу*) Холодище. Шуба не греет: стар стал. И за какой грех посадил меня бог сюда? Сидишь, сидишь... И холодно. И скучно. И спать хочется. Сколько я здесь сижу. (*Считает по пальцам*). Да скоро уж две тысячи лет будет... Тоска!. (*Появляются 4-й и 5-й пионеры. Петр их не замечает*).

Петр: И обидно мне старику. На земле — революции там всякие, восьми-часовой рабочий день, дома отдыха, читальни,—а тут хоть бы псалтиришко какой ни на есть почитать—и то нету. Э—эээх!

4-й пионер: (*5-му пионеру*). Я сейчас у него ключ вырву, а ты ему под ноги бросайся. (*4-й пионер подкрадывается сзади к Петру, вырывает у него ключ и бежит. Петр, вскрикнув, бросается за ним*).

Петр: Кар-рр-аул! Держи его! (*5-й пионер бросается под ноги Петру, он спотыкается и летит кувырком на пол. 5-й пионер вскакивает, 4-й пионер бросает ключ 5-му пионеру и убегает в публику. 5-й пионер прячется за табуретку. Петр поднимается и бросается в публику за 4-м пионером*).

Петр: Батюшки! Грех-то какой! (*5-й пионер вылезает из-за табуретки, оглядывается, вынимает свисток и свистит. Входит весь отряд*).

Вожатый отряда: Устроили?

5-й пионер: Устроили. Вот ключ.

Вож. зв. „Б-К“: Отпирай скорей! (*5-й пионер подходит к дверям и хочет открыть*).

Вожатый отряда: Погоди! Давайте ребята сменим вывеску.

5-й пионер: Какую вывеску?

Вожатый отряда: Написано: Врата райской обители,—а мы повесим надпись: Дом отдыха.

Голоса: Здорово!.. Давай!.. Вешай!.. (*Вожатый берет у зв. „Безбожник“ полосу бумаги с надписью „Дом Отдыха“ и прикрепляет ее на место прежней надписи*).

Вожатый отряда: Теперь отпирай!

5-й пионер: (*открывая дверь*). Милости просим! (*Отряд входит в рай. За сценой крик: „ай, большевики!“ Некоторое время на сцене пусто, потом из публики отдуваясь выходит Петр*).

Петр: (*увидев надпись: Дом отдыха—остолбенел*) Ба-бббa-бббa... Вв а-вввa-вввa... Да я н-не-е т-тудд-дапо-по-по-поп-пал. Мне надо в рай, а тут дом от-ды-ха.

4-й пионер: (*появляется из публики*). Дядя! не ной! Никакого рая больше нет!

Петр: А-ааа-а!.. Так вот ты где! (*Бросается к нему*). Отдай ключ! (*4-й пионер увертывается от него и убегает в двери рая. Петр несется за ним*).

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ 4-е.

За столом сидят святые Николай угодник, Пантелеймон, Илья, Георгий, Власий и другие, над столом висит святой дух—бумажный голубь. Прислуживают архангелы: Гавриил и Михаил.

Николай угодник: (*Илье*). Паки и паки молодец Ильюха: затопил недавно град Петра.

Илья: По силам своим труждаюся, отче.

Власий: А посему не надлежит ли, отче, выпить нам за здра.. тьфу—за упокой Петра?

Владимир: Можно! И не токмо што можно, но и должно. Веселие Руси есть пити. (*Архангел Гавриил наливает*).

Николай угодник: (*Михаилу*). А ты, Мишка, подико вынеси ключарю Петрухе стаканчик; благо пием за упокой души тески его. (*Архангел Михаил наливает стакан и выходит. Все святые пьют. За сценой крики и шум. Вбегает архангел Михаил*).

Архангел Михаил: (*кричит*). Большевики! Спасайтеся, братие! (*Все вскакивают и бросаются к выходу. У выхода сталкиваются с пионерами. Бегут назад*).

Пионеры: (*Врываясь*). Ур—ррр-ааа!!! Ур-ррр-ааа!!!

Вожатый зв. „Б-К“: Вот они!

Георгий: (*вынимает меч*). Изыдите оглашеннии, ибо сим (*потрясает мечем*) сокрушу и изничтожу вы!

2-й пионер: Руки коротки! (*Пионеры бросаются на святых. Беготня, свалка. Обезоруживают Георгия, связывают руки всем остальным*).

Вожатый зв. „Б-К“: Э-эээ. Мне сам Илья попался.

Вожатый отряда: А я Николая угодника прижал.

2-й пионер: (*5 му*). А у вас кто?

5-й пионер: Георгий-победоносец. А самогоном от него разит! Ф-ффу! (*Свалка прекращается*).

2-й пионер: (*Указывает на голубя*). Святой дух! Лови его! (*2-й, 6-й, 3-й и 1-й пионеры ловят голубя*).

1-й пионер: (*3-му пионеру*). Заходи к дверям! Не выпускай его!

3-й пионер: (*3-й пионер бежит через сцену к дверям*).

1-й пионер: Так! Хватай его! (*3-й пионер хватает голубя*).

3-й пионер: Давай клетку! (*Ему приносят клетку. Сажают в нее голубя*).

6-й пионер: Он наверно есть хочет Надо накормить его. Дайте хлеба! (*Приносят хлеба. Кормят голубя. К этому времени со всеми богами управились*).

Вожатый отряда: (*Подходя к столу*) Суд над богами и святыми открывается. Состав суда—звено „Безбожник“. Судьи, займите места! (*Звено „Безбожник“ садится за стол, неся с собой список святых и бумагу*).

Вожатый зв. „Б-К“: Приведите Илью (*Приводят к столу Илью*).

Вожатый зв. „Б-К“: Гражданин Илья. Вы в 1921 году не дали дождя в Поволжье. От этого там была засуха и голод. Умерло много людей. В 1924 году вы затопили Ленинград. Сознаетесь ли вы в этих преступлениях?

Илья: Каюсь! Простите меня, братие!

Вожатый звена „Б-К“: Отвести его! (*Илью отводят в сторону*). Приведите Пантелеймона! (*Подводят Пантелеймона*). Гражданин Пантелеймон, во все время войны и Революции вы насылали на людей тиф, холеру, лихорадку, скарлатину и много других болезней. Сознаетесь ли вы в этих преступлениях?

Пантелеймон: Каюсь!

Вожатый зв. „Б-К“: Уведите его! (*Уводят Пантелеймона. Ставят рядом с Ильей*). Привести Власия! (*Подводят Власия*). Гражданин Власий, вы уморили много скота сапом, сибирской язвой и другими болезнями. Вы...

Власий: Каюсь! Виноват, братие!

Вожатый зв. „Б-К“: Отвести его! (*Его уводят*). Приведите Георгия! (*Приводят Георгия*). Гражданин Георгий, вы вместе с белогвардейцами напали на Советскую Россию. Сейчас вы тоже хотели оказать вооруженное сопротивление...

Георгий: Я... ничего!.. ей богу ничего!.. Это так пошутил.

Вожатый зв. „Б-К“: Сознаетесь ли вы?

Георгий: Во всем с вами согласен! Только отдайте мне мой меч и отпустите.

Секретарь: Ишь чего захотел! Дяденька, а березовой каши не хочешь?

Георгий: Все хочу!.. Только...

Вожатый зв. „Б-К“: Отвести его! Приведите Николая угодника. (*Приводят Николая угодника*). Гражданин Николай, вы также обвиняетесь во всех преступлениях, сделанных вашими подчиненными! Потому что вы—один из главных святых.

Николай угодник: И-ии ни-ни! То-есть совсем не виноват! Я ничего не делал — только на небе сидел.

Голос из группы „святых“: Врет! ей-богу врет! Это он нам все приказывал делать—он и виноват!

Николай угодник. Ничего я им не приказывал, а только говорил, что надо сделать!

2-й пионер: Так ведь это же и есть приказание.

Николай угодник: Да не может быть!!

2-й пионер: Самое настоящее приказание.

Николай угодник: Тогда я в самом деле виноват.

Вожтый зв. „Б-К“: Отведите его. (*Николая угодника отводят*). Судьи отправляются на совещание. (*Звено „Безбожник“ уходит из-за стола за сцену*).

Голос ап. Петра за сценой: Отдай ключ! Стой! Держи его! (*вбегает 4-й пионер, за ним Петр. 4-й пионер посреди сцены опускается на четвереньки, Петр летит кубарем через него и садится на пол. 4-й пионер отбегает в сторону*).

Вожатый отр.: (*4-му пионеру*). Это кто?

4-й пионер: Петр-ключарь.

Николай угодник: (*Петру*) Петька! Ты зачем им ключ отдал?! Погоди, я вот ужо тебе!

Петр: (*сидя*) Тьфу!—ничего ты мне теперь не сделаешь, потому что у тебя руки связаны. (*Вскакивает и идет к Николаю угоднику*). А я так сейчас тебе всю бороду выдеру!

Вожатый отр.: Ну, не драться! (*Разнимает их*).

Петр: То-есть как-же это не драться! А за что-ж меня бессменно две тысячи лет у ворот держали?

Вожатый отр.: А ты, дядя, заявление в суд напиши. На бумаге. (*Дает Петру бумаги*).

Петр: Да я писать не умею. Читать—еще коекак по складам разбираю... (*Входят судьи звено „Безбожник“*).

Вожатый отр.: Стыдно! Ну да ладно: вот судьи—им расскажи.

Петр: (*идет к судьям*). Так что, господа судьи...

2-й пионер: (*Петру*). Мы не господа, а товарищи.

Петр: А зачем меня две тысячи лет у ворот держали!?

Вожатый зв. „Б—К“: (*Петру*) Погоди. Сейчас приговор над ними всеми будем читать. (*Вожатый отряда отводит Петра в сторону*).

Вожатый зв. „Б—К“: Суд продолжается. Приговор: святые сознались во всех своих преступлениях. Поэтому отправить их в музей церковных древностей. Рай закрывается—устраивается дом отдыха.

Петр: (*подбегает к столу*). А со мной что же теперь будет? Возьмите меня сторожем—я буду сторожить дом отдыха!

Вожатый отр.: Ребята! Давайте возьмем, в самом деле, бывшего апостола Петра сторожем!

Все; Ур-ррр-ааа!!!

Вожатый отр.: (*Петру*). Согласен?

Петр: Согласен!

Вожатый отр.: Ты должен будешь подметать каждый день рай.

Петр: Согласен!

Вожатый отр.: Тогда пойдем на землю: получишь расчетную книжку и вступишь в профсоюз.

Вожатый отр.: Отряд! Оцепить богов! (*Пионеры оцепляют богов*).

Вожатый отр.: Отряд, смирно! На землю, шагом марш! (*Отряд уходит и поет*):

„Залезли мы на небо—
Судили мы богов!
Теперь пойдем на землю
И будем гнать попов!

Долой, долой монахов,
Раввинов и попов.
Уж нету больше рая
И больше нет богов!“

Занавес.

Примечания к постановке:

а) Воздушный шар: обыкновенный маленький воздушный шарик. Под'ем «на облако» делается так: над сценой в потолке укрепляется блок, через него перекинута веревка. Один конец этой веревки вожатый звена «Воздухофлот» привязывает себе вокруг пояса,—другой конец идет за сцену. Когда вож. зв. «Воздухофлот» скажет «пускай»—люди стоящие за сценой поднимают его вверх. Наверху он садится на одну из перекладин сцены.

В крайнем случае можно просто приставить лестницу к стене и вож. зв. «Воздухофлот» влезет по ней, с шариком привязанным за пояс, наверх, Но как только он влезет—лестницу надо немедленно же положить на пол.

б) Под'ем отряда «на облако» устраивается так: вож. зв. „Воздухофлот“, подняв лестницу, ставит ее к задней стене. Сзади стены сцены надо поставить другую лестницу. Тогда отряд скроется с глаз публики, по лестницам перелезши через заднюю стену сцены.

Лазарь Шацкин

ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ

(*Воспоминания*).

С какими трудностями создавался 5 лет тому назад Коммунистический Интернационал Молодежи, ярко рисует нам эпизод из воспоминаний тов. Шацкина, одного из основателей и вождей КИМ'а о поездке на первый Конгресс КИМ'а представителем от РКСМ.

I.

Международный Конгресс революционной молодежи назначен на 24 августа 1919 г. в Вене. Решено, что делегатом от России придется поехать мне. Постановление хранится в глубокой тайне и распускаются слухи о том, что я уезжаю в отпуск на Украину.

Первым делом надо было нарядиться в буржуазные европейские одежды. Я покорно примерял и закупал всякие воротники, манишки, манжеты и прочую чепуху, непривычную, беспокойную, заставлявшую хохотать моих друзей. Но самым серьезным делом был выбор маршрута. Для меня была намечена дорога: Украина, Румыния, Венгрия, быть-может, Чехо-Словакия, Австрия. Как надо ездить по этой дороге—никто толком рассказать не мог: в Киеве узнаешь. Так как от роду мне было тогда всего шестнадцать лет с гаком, то я об этом и не особенно беспокоился.

Перед отходом поезда я пошел в Кремль к Владимиру Ильичу. После некоторого ожидания в приемной, я вошел, наконец, в кабинет. Тов. Ленин знал уже о моей поездке. Расспросив о моей программе действий на Западе, он дал мне некоторые поручения в Вену.

Вышел я от него в том настроении, в каком бывает набожный христианин, помолившись перед трудным делом в самой святой из церквей. А в бумажник крепко запрятал мандат председателя Совета Народных Комиссаров, от начала до конца написанный рукой Владимира Ильича, в котором всем властям подлежащим строго воспрещалось „раба божия“ Шацкина подвергать где бы то ни было задержкам и обыскам и предписывалось оказывать ему всяческое содействие. Этот мандат оказывал всюду чудодейственное влияние. В вагоне народ сбегался смотреть на почерк Ильича. В Киеве, который кишел петлюровскими шпионами, я „перешел на нелегальное положение“. Эта „нелегальность“ выражалась в том, что я тщательно избегал знакомых, в том числе и комсомольцев, и имел чрезвычайно таинственный вид.

В Киеве в те времена помещалось „Южное Бюро Коминтерна“ которое, помимо прочего, руководило работой военнопленных коммунистов. Два чешских товарища, служивших в австрийской армии, отправлялись им на родину для партийной работы. Вот к этим двум товарищам меня и присоединили в качестве „военнопленного австрийской армии“.

Буржуазные одежды пришлось отправить в Москву в адрес ЦК РКСМ, у нелегального курьера—австрийца я получил рванный, засаленный мундир и длинный солдатский чубук (который у меня через каждые пять минут распадался на свои составные части). Австро-венгерский совет военнопленных в Киеве выдал мне паспорт, в котором значилось, что пред'явитель сего Адольф Риккер, б. солдат австрийской армии, возвращается к себе на родину, как уроженец города Марибора. Этот город выбран был потому, что там живут славяне, хотя фамилия была вполне немецкой. Но тут можно было комбинировать: встретишь немца—можно сказать, что отец был немцем, да скоро умер, а мать славянка—посему по немецки говорю плохо; встретишь славянина—извините, мол, по юго-славски говорю плохо, ибо мать с отцом разошлись, а он чистокровный немец и меня воспитал, как такового. Один раз я встретил в петлюровских владениях какого то типа из Марибора, который страшно обрадовался, увидев „земляка“. Но, к счастью, он оказался круглым дураком, и я благополучно скрылся от его нежных преследований.

Готовясь к дороге, мы старались принять возможно более босяцкий вид, ибо петлюровцы очень специализировались на грабежах. Весь наш багаж состоял из двух солдатских вещевых мешков на всех троих. В них были уложены: табак для нас и для петлюровцев (взятка), по одной смене белья на брата и прочая мелочь.

Наконец, второго августа, когда сиявшее весь день солнце уже заходило, по пыльным улицам древ-

него города направились на вокзал три австрийских военнопленных, оборванных и нищих, с тоской покидавших советскую страну, где Деникин теснил Красную армию, и твердо решивших не жалеть своей жизни для дела коммунизма. На небольшом расстоянии за ними следовал еще один человек, в кепке, с винтовкой на ремне. Когда мы подошли к вокзалу, он куда-то исчез.

Составление нашей „максимки" на Винницу продолжалось до часу ночи. И когда дрянной паровоз, наконец, засвистел и пополз черепашьим шагом, в неосвещенных вагонах заклокотала жизнь, борьба за существование, вернее, за места. Мы то стояли, то сидели, то полувисели в самых невозможных позах.

После какой-то крупной станции стало сразу свободнее. Остались почти исключительно возвращавшиеся в свои части фронтовики, которые рассказывали нам о петлюровцах, об их зверствах над нашими красноармейцами, о грабежах, разбоях, еврейских погромах и т. д.

Лишь ночью мы прибыли в Винницу. Когда мы вышли на платформу, там уже стоял человек с винтовкой, провожавший нас на Киевский вокзал. Мы стали совещаться о дальнейших действиях и решили сами „арестовать" себя. Прямо отправиться в Особый Отдел, когда город кишел петлюровскими шпионами, было опасно. Мы легли на камнях вокзального перрона, засыпая от усталости. Часа через два загремели винтовки, и на вокзал вошел отряд человек в десять. Мы покорно стали в середине отряда, часть которого взяла винтовки на перевес, и пошли в город. На вопрос патрулей и часовых „кто идет?", наш матрос отвечал: „ведем арестованных дезертиров". Можно себе представить, с какой ненавистью смотрели на нас конвоиры, не знавшие, кто мы такие. Наконец, мы подошли к зданию Особого Отдела. Мы с комиссаром вошли в дом, смеясь над нашим арестом.

Не теряя времени, мы засели за географическую карту. Фронт в то время зиял громадными прорехами, в которых не было никаких войск. Через одну из таких прорех надо было нам пробраться.

2.

Переход оказался более простым, чем мы предполагали. Мы пошли в сторону Жмеринки. В деревнях, через которые мы проходили, крестьяне говорили, что давно уже ни советских, ни петлюровских раз'ездов не бывало здесь. Скверно обстояло дело с едой. Крестьяне прятали продукты про черный день и ни за какие деньги, даже царские и иностранные, нельзя было ничего купить.

Когда мы потеряли уверенность в том, какие раз'езды могут нам встретиться, пришлось вытащить из кармана мандат Особого Отдела и держать его в руке, ибо при пленении этого мандата мы быстро отправились бы на тот свет. Перед деревней, в которой, по словам крестьян, были петлюровцы, мы торжественно сожгли свой последний советский документ.

Вступив в пределы деревни, мы увидели лицом к лицу первого петлюровца. Навстречу нам на лошади без седла ехал суб'ект в соломенной крестьянской шляпе, босиком, но в великолепном гусарском бархатном мундире польского покроя (правда, без некоторых пуговиц). Он остановился подле нас и удивленно спросил, откуда мы и что здесь делаем. Ян сейчас же рассказал ему что мы идем из Сибири домой, удираем от жидов комиссаров, которые угнетают народ; нас, мол, хотели мобилизовать, мы и утекли. Петлюровец остался чрезвычайно доволен речью Яна и отпустил нас во-свояси.

Петлюровец оказался одиночкой. Первый пост стоял в следующей деревне. Было бессмысленно обходить ее, ибо „где нибудь надо же начать", и мы направились прямо „в штаб".

Атаман и весь штаб банды помещались в лучшей хате деревни. Значительная часть петлюровских героев успела уже порядочно наклюкаться: от них разило „горилкой". Тут я впервые столкнулся с одним из наибольших затруднений своего путешествия. До встречи с атаманом я молчал. Но моя молчаливость начала вызывать подозрения. Надо было говорить по-русски, но нельзя было говорить по русски правильно. Пришлось прибегнуть к методу перестановки ударений в словах, что оказалось делом чрезвычайно нелепым. На вопрос атамана—кто вы и куда идете. Ян затянул:

— Як мы плинны чехо-словаки.

— Идем до дому,—подтягивал Владислав.

— Дома жена с детьми осталась,—снова начинал Ян.

— Невеста молодая,—подтягивал Владислав.

— Мать старуха без хлеба,—поддерживал я.

— Жиды-комиссары (следовало нецензурное ругательство),—гудел Ян.

— Мобилизовать хотели,

— А нам почто воевать, повоевали и будя.

Во время разговора атамановы злые глаза—все чаще останавливали свой взор на мне. Я тоже начал что-то припоминать. „Раз смотрит, значит, знает"—думал я. Вдруг во двор ворвалось несколько петлюровских всадников и подняли невообразимый крик. Атаман, махнув на нас рукой, вскочил на коня и ускакал. Мне кажется, что в 1918 г. во время немецкого наступления на Советскую Россию, я проехал с этим атаманом целую ночь в купэ штабного вагона, и он служил командиром в одной из красногвардейских частей.

Выйти из деревни оказалось не легко. У последней избы стоял петлюровец на часах, помахивая неизменной нагайкой. Узнав, что мы чехо-словаки, он очень обрадовался.—„Как же, да я три года в плену

в Чехии прожил“. И он начал сравнительно свободно разговаривать по чешски. Я же знал по чешски всего на всего слово „наздар“ (здравствуй) и несколько ругательств. Проговорив с большим фасоном „наздар“, я стал подумывать о том, что делать дальше. Единственным выходом оказалось лечь и притвориться спящим. Петлюровец стал расспрашивать про меня.

— Больной, тронулся немного,—сказал ему Ян, жалостливо кивая на меня и показывая на лоб. Я покорно проглотил этот комплимент, лежать было страшно неудобно, солнце палило, камень упирался в мою спину. Наконец, Ян стал прощаться с петлюровцем. Пришлось дать ему золотое обручальное кольцо для того, чтобы он нас выпустил из деревни.

Вскоре мы заметили, что крестьяне убираются с полей. А вслед затем показались целые вереницы повозок с солдатами, орудиями, пулеметами, за которыми неслись повозки с сеном, хлебом и прочими продуктами. Это были галичане, наступавшие на Жмеринку.

Раздался первый пушечный выстрел. Выстрелы участились, свист снарядов раздался невдалеке. Мы быстро пошли, почти побежали вперед, дабы переход фронта закончить сегодня же.

Наконец, после захода солнца мы решили зайти в деревню. Один из петлюровцев, подойдя к нам, грозно рявкнул: „религия“? Я сначала от неожиданной любознательности петлюровца растерялся, но затем сообразив, что к „жидам“ петлюровцы применяют меру наказания свыше высшей, т.-е. истязания и пытки, я быстро ответил „католик“. Нас пропустили, мы пошли по дворам искать пищи и ночлега. Дело шло туго. Наконец, один из крестьян сжалился над нами, накормил простоквашей,—дал корочку хлеба и отвел нас в пустой амбар. В этот день мы ходили с 4 часов утра до заката солнца и прошли 56 верст. Зарывшись в солому, мы уснули, как убитые.

На завтра мы очутились на станции Кайгород. Нас арестовали и отвели в „Головний казачий штаб“. Из хаты вышел человек, которого все называли „пан пулковник“ и который должен был решить нашу судьбу. Он слегка покачивался на кривых ногах, нос его отливал цветом солнечного заката, а изо рта раздавался приятный аромат сивухи. Мы сразу же затянули старую песню.

— Як мы плинны чехо-словаки,

— Идем до дому,

и т. д., со включением жены, матери и невесты в обычном порядке.

В то же время мы быстро распаковали свой мешок, вытащили целую пачку в четверть фунта табаку высшего сорта „А“. Лицо „пана пулковника“ просияло, и он, протянув руку, ловко подхватил всю четверть. Засунув большую щепотку в нос, он стал так усиленно чихать, что мы начали серьезно опасаться. как бы он не протрезвел. Полковник спросил наши фамилии, переспросил, действительно ли мы чехо-словаки и, грозно посмотрев на писаря, рявкнул:

— Пиши.

„Пан писарь“ вытащил клочек грязной, засаленной бумажки, огрызок карандаша и начал записывать на своем колене.

„Коменданту станции Могилев-Подольск“

„Приказываю пленных чехо-словаков обязательно переправить через румынскую границу Днестр“.

Как и следовало ожидать, румыны наотрез отказались нас пропустить. Петлюровский комендант Могилев-Подольска предложил нам поступить на работу в железнодорожный батальон. Мы попросили дать нам подумать до следующего утра и на заре покинули город.

3.

Как же перейти Днестр? Мы решили пойти вдоль реки и искать благоприятного случая. По большим дорогам ходить было опасно, и мы двинулись по маленьким проселкам. Начались дожди, и украинский чернозем превратился в сплошную кашу, в которой глубоко застревали наши ноги. Пошли какие то холмы, и мы то и дело подымались на них, задыхаясь от усталости. В иные дни нам не удавалось пройти больше десяти верст.

Вплавь или вброд перейти Днестр нельзя было. Румынские посты зорко сторожили берег на маленьком расстоянии друг от друга, и ночью, как на зло, большей частью светила луна.

ФОТО-ГАЗЕТА „ПИОНЕРА“

Франция признала СССР

Французское правительство, которое в течение семи лет существования Советской Республики было самым яростным нашим врагом и покровителем белогвардейских банд, нападавших на нас, наконец, принуждено признать СССР.

Благодаря признанию смогут наладиться торговые отношения между СССР и Францией.

На фотографии изображены: слева Народный Комиссар по иностранным делам т. Г. В. Чичерин. Справа—наш новый посол во Франции Народный Комиссар внешней торговли тов. Л. Б. Красин.

Пять лет КИМ'а

Исполнилось пять лет со дня основания Коммунистического Интернационала молодежи. Это произошло в Берлине в ноябре 1919 года.

На первом конгрессе были представители 14 стран, в том числе и Советской России. Ныне в КИМ'е об'единены молодые рабочие более 60 стран. Голос КИМ'а слышится и в далекой Австралии, и среди порабощенной негритянской молодежи Африки, и среди борющихся за свое освобождение молодых индусов.

Армия КИМ'а состоит из миллиона молодых рабочих и крестьян, которые ведут за собой лучшую, наиболее боевую часть рабочей и крестьянской молодежи всех стран.

КИМ является наилучшим помощником и соратником Коммунистического Интернационала и коммунистических партий отдельных стран в их борьбе за освобождение трудящихся из-под ига буржуазии.

На фотографии (слева на право) члены Исполкома КИМ'а Чаплин, Гессен, Вуйович, Дорио, Барти, Шиллер и Баматтер.

Октябрь в Москве

Демонстрация на Красной площади.

Выборы в Англии

It's Your MONEY He Wants

В ноябре в Англии произошли выборы в парламент. Победили консерваторы, самая контр-революционная часть буржуазии, непримиримый враг советской страны.

Во время выборов, для того, чтобы нагнать страху на обывателей, консерваторы изобразили на своих плакатах большевиков в виде разбойников, которые хотят ограбить английский народ.

На нижнем рисунке изображен такой плакат. Верхняя фотография показывает, как английские рабочие дети собирают пожертвования для предвыборной кампании рабочей партии.

Андрэ Марти

В СССР приехал т. Андрэ Марти, бывший французский моряк.

В 1919 году среди матросов французского военного флота, прибывшего в Одессу для борьбы с большевиками, он вел революционную агитацию против борьбы с Советской Россией.

Моряки восстали. Французское правительство приговорило т. Марти к 20 годам тюрьмы.

Благодаря борьбе рабочих Франции, избравших т. Марти в парламент, он был освобожден из тюрьмы.

Новые Советские Республики

В то время, как в буржуазных странах национальные меньшинства угнетены, в СССР каждая нация может свободно развивать свою культуру.

Недавно на территории СССР образовалось несколько новых советских республик: Молдавская, которая входит в состав Украинской Советской Республики и вместо бывшего Туркестана, Хорезма и Бухары республики: Узбекская, Туркменская с автономными областями Таджикской и Кара-Киргизской.

Фотография изображает улицу в г. Бухаре новой Узбекской республики.

Поднять производительность труда

Коммунистическая партия бросила лозунг: поднять производительность труда. Это значит, что каждый из нас, где бы мы ни работали, должен полностью использовать рабочее время. Каждый из нас должен стараться во время работы не заниматься посторонними делами, сознательно относиться к своей работе, чтобы она принесла возможно большую пользу.

На фотографии изображен рабочий, изобревший способ выделки кастрюль, дающий в несколько раз большую производительность.

Не помню, на какой день после нашего ухода из Могилева-Подольска мы свернули с проселка и пошли вдоль Днестра у самого берега. Кругом все было спокойно. Вдруг какой-то румынский пост на порядочном расстоянии от берега вскинул винтовки, и раздались выстрелы. Чем дальше, тем больше пуль стало падать около нас, и мы поняли, что служим мишенью. Мы бросились в кукурузу и на четвереньках довольно быстро стали отдаляться от берега. Откачав таким манером с четверть версты, мы остановились, так как стрельба прекратилась и Днестр скрылся из наших глаз. Ян начал изощрять свое красноречие по адресу румын. Мы пошли дальше.

Через некоторое время, взобравшись на холм, мы увидели, что у его подножья, вернее, на скате расположилась деревня, хаты которой доходили до самой реки. Мучимые голодом и надеясь на переправу, мы стали спускаться, зашли в первую хату и попросили хозяина накормить нас. Он сейчас же согласился, вынес нам на двор скамейку и простоквашу. Мы бережно принялись за еду.

Но вскоре снова заработали румынские винтовки. Первые же пули, прожужжав у наших ушей, ударились в стену хаты. Мы бросили миски, прихватили свои куртки и мешки и перебежали к обратной стене избы. Мы думали переждать здесь до вечера и затем в темноте уйти. Но вслед за одиночными выстрелами начали раздаваться регулярно залпы. Хозяин стал перед нами на колени и христа ради молил нас уйти, чтобы румыны не разгромили его избы и всей деревни.

Делать было нечего. Хотя у нас позиция была и очень невыгодная — за избой высокая глиняная стена, а за ней скат холма почти-что без всяких деревьев. Мы решили уйти.

Первым полез через стену Ян. Когда он показался на стене, стрельба сразу усилилась. Но он быстро соскочил вниз и скрылся. Стрельба стала затихать. То же самое повторилось с Владиславом. На мою долю выпали большие хлопоты. Сначала я никак не мог перемахнуть через стену, ввиду малого роста и тяжести мешка, который тащил меня вниз. Свалившись несколько раз в грязь, я, в конце концов, перелез через стену. Тут я только сообразил, что мы забыли условиться, куда бежать за стеной. Думать долго было некогда и я, согнувшись в три погибели, побежал налево. Пришлось ползти на брюхе, прикрывшись с левого „фланга“ мешком. Внезапно я куда-то провалился, и раздался отчаянный визг. Попал я в яму, где человек пять тетенек скрывалось от обстрела. Раз‘яснив наскоро, что я не антихрист, свалившийся прямо из ада, а невинно страдающий чехо-словацкий пленник, я попросил перепуганных крестьянок рассказать мне, как тут можно побезопаснее пробраться наверх. Они мне указали на ров, подымавшийся по склону холма. В согнутом положении я пополз вверх. На дне рва были острые камни и мои брюки скоро стали зиять дырами, а колени сочиться кровью. Чем выше, тем плоше становился холм, и пули снова начали свистеть около меня. На холме росли кустики и, использовав ров до конца, я принялся за перебежки от куста к кусту. Наконец, я дошел до пределов кустарной растительности. До дороги оставалось шагов шестьдесят. Но между мной и ею—ни кустика, ни ям. Я лежал у последнего кустика, прикрывши голову мешком. Румыны стрельбу прекратили. Я начал кликать своих спутников. Но никто не отзывался. Вдруг я услышал крики, прибежала толпа крестьян, человек в 20, вооруженная вилами и топорами и с криками и руганью начала требовать выдачи оружия.

— Да из за тебя, чертова сына, нам чуть деревню не разнесли.

— Бей его, ребята.

Я пустил в ход свое красноречие. Рассказал про плен в Сибири, мать старуху и т. д.

Наконец, старший из них заявил мне:

— Румынский комендант велел сказать, чтобы вы немедленно убирались. А то приедут румыны на лодке и возьмут вас. Ну, живо уходи и благодари бога, что не убили.

Я, похрамывая, побрел по дороге. Шагов через сто я встретил бежавших мне навстречу Яна и Владислава. Слыша почти непрерывную стрельбу, они думали, что если я не убит, то, по крайней мере, ранен.

Отойдя на порядочное расстояние от берега, мы легли на землю. Яна и Владислава охватил хохот при взгляде на меня. Вид, действительно, был у меня занятный. От брюк осталось очень немного—плюс приятное воспоминание, обмотки развязались и тащились по земле, рожа была измазана грязью, рубаха разодрана и перекрашена в серовато-грязный цвет. Мы принялись коллективно слагать юмористическое донесение в Москву.

„Реввоенсовет, тов. Троцкому, копия ЦК РКСМ. Наши доблестные войска принуждены были под давлением превосходных сил противника очистить левый берег Днестра. Отступление происходило в полном порядке (на четвереньках). Потерь нет, за исключением одной брюки. Обоз, в виде двух мешков, благополучно эвакуирован.

Переправиться в Румынию нам после долгих мытарств через несколько дней все-таки удалось.

МЕДВЕЖЕНОК СТРЕЛОЧНИКА ДЖИММИ

Рассказ Мортимера Баттен. (С английского Вл. Попов).

Джимми находит себе компаньона

Из всех прирученных человеком диких зверей, с которыми мне приходилось встречаться, самым интересным и забавным, несомненно, был Блотто, маленький медвеженок стрелочника Джимми Стэндинга. Я познакомился с Джимми в бытность мою лесным сторожем в горах кутеней. Мы считали свою жизнь очень одинокой, но, во всяком случае, лесные сторожа живут хоть по два вместе, железнодорожные же сторожа глухих мест проводят жизнь совершенно одни круглый год.

Под надзором Джимми находилось большое протяжение пути, тянувшегося по обе стороны его будки. На обязанности Джимми лежало передавать по телеграфу всевозможные сведения о проходивших мимо поездах. Особенное же внимание он должен был обращать на тлеющие шпалы, потому что в сухую жаркую погоду шпала иногда тлеет целые недели пока от нее не останется в песке ничего, кроме пустой раковины. В общем, работа его была такова, что он не мог никогда отойти далеко от своего поста, но железнодорожное начальство снабжает своих служащих провизией, чтобы сторожу не было надобности отлучаться со своего участка.

Дозорный поезд проходил раз в неделю, привозя почту, газеты, провизию и все необходимое. И это был единственный поезд, останавливавшийся у будки Джимми. Как только поезд прибывал, его переводили на запасный путь, как раз у сторожки, чтобы освободить путь для полуденного пассажирского.

В начале описываемого мною лета к Джимми зашел как-то индеец, который нес под мышкой совсем маленького черного медвеженка. На вопрос Джимми, как он ухитрился поймать маленькое существо, индеец об'яснил, что он заметил мать в то время, как она пила, и, подкравшись сзади, вдруг громко крикнул. Медведица от страха упала вниз головою в реку и сейчас же принялась плыть к противоположному берегу в таком паническом страхе, что, казалось, на время совсем позабыла о медвеженке. Малыш, неожиданно потеряв ее из виду, прямо подбежал к индейцу, который дал ему пососать палец, поднял и отправился с ним вдоль полотна дороги.

Все это может показаться мало вероятным всякому, мало знакомому с черными медведями, которые совершенно не походят на гризли. Мне случалось видеть, как дети индейцев бегут толпою за матерью, черной медведицей, и крадут ее медвежат.

Но вернемся к Джимми и индейцу.

Джимми дал индейцу фунт железнодорожного табаку, жестянку железнодорожных томатов и еще несколько пустяков подобного рода в обмен на медвеженка. Индеец отправился дальше, очень довольный своей сделкой, а зверек остался у Джимми.

Воспитание Блотто

Блотто был, очевидно, выносливым и легко-приспособляющимся существом, потому что с этого дня ни разу не скучал и не болел. Главной его пищей вначале было сгущенное молоко с водою, сахар, хлеб и обрезки ветчинного сала. Он обладал поистине ненасытной жаждой. Молоко с водою он способен был пить до того, что раздувался, как шар, и центр тяжести его перемещался так далеко вперед, что он не мог ни стоять, ни сидеть. Тогда он принимался пищать от досады, что не может больше пить.

С каждым днем он все поправлялся. Сперва он не мог выносить движения поездов, потрясавших весь горный склон, и каждый раз, как какой-нибудь из них приближался, он в безумном страхе мчался в сторону и прятался под волчью шкуру, служившую Джимми ковриком. Однако, страх его стал понемногу проходить и, сидя у дверей, служа на задних лапах, как собаченка, Блотто стал мало-по-малу отважно наблюдать за поездами. Однако, они двигались так быстро, что он не успевал уследить за ними, и после их прохода можно было видеть, как он искал их глазами в совершенно неподходящем направлении.

День за днем Блотто попадался все в одних и тех же проказах и получал за них трепку. Однако, в некоторых отношениях он выказывал себя очень сообразительным, и были вещи, которых вторично он никогда не проделывал. Например, он только один раз с'ел мыло, плача и выпуская изо рта пену все время, пока упорно жевал его, а кусок мыла был довольно велик. Только раз забавлялся он перебрасыванием перечницы кругом всей комнаты. Только раз ударил он кипящий чайник, ошпаривший его. Только раз прижался он мягким и влажным носом к горячей печке. Больше того: стоило только Джимми показать ему перечницу, предложить кусок мыла или указать на чайник, когда Блотто слишком уж начинал проказничать, как медвежонок припоминал какое-нибудь спешное дело на дворе...

Медвеженок, конечно, сопутствовал Джимми при его ежедневных обходах пути, и Джимми, понимая, что животному, вероятно, придется когда-нибудь заботиться самому о себе, предусмотрительно взял на себя задачу научить Блотто всему, чему он должен был бы научиться, от своей матери.

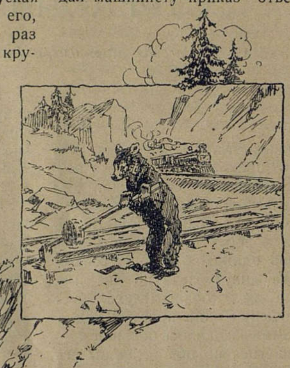
Джимми научил Блотто отыскивать муравьев, перевертывая камни, находить жуков, разрывая носом мох; он научил его, при помощи примера, что лучше отходить подальше от некоторых маленьких и ярко окрашенных змеек, двигавшихся с быстротою молнии, но что вполне безопасно ставить лапу на больших, медленно движущихся коричневых змей, встречавшихся гораздо чаще. А однажды Джимми, имевший в руке топор, нашел гнездо диких пчел и разбил обухом дерево, поспешно убежал, предоставив Блотто вытаскивать мед, и Блотто основательно вылизал его, хотя пчелы с дюжину раз ужалили его в нос. Ни разу еще в жизни не пробовал медвеженок ничего вкуснее этого меда!

После этого он проводил большую часть времени, отыскивая мед.

Блотто сильно привязался к одинокому человеку и, смело можно сказать, что между ними существовали настоящие товарищеские отношения, точно между одинокими человеком и его собакой.

Несчастный случай.

В обычный день прибыл дозорный поезд. Джимми, получив полагавшиеся ему припасы, отдал машинисту приказ отвести поезд задним ходом на запасный путь, затем по обыкновению побежал к контрольному пункту, переставил болт и оперся всей своей тяжестью на длинный рычаг, чтобы перевести стрелку. Товарный поезд стал на запас, но едва успел он остановиться, как Блотто ухватился за рычаг и оперся на него всей силой.

Кондуктор посмотрел на Джимми и задумчиво покачал головой.

— За этим медвеженком придется вам присматривать, — сказал он. — Когда-нибудь вы забудете задвинуть болт обратно, а он переведет стрелку и отведет какой-нибудь из пассажирских поездов на запасный путь. Тогда заварится порядочная каша.

Мысль эта напугала Джимми.

— Ничего подобного раньше с ним не случалось.

В первый раз вижу, что Блотто трогает стрелку,—заметил он.—Но как бы то ни было, я вряд ли когда-нибудь забуду задвинуть болт обратно.

В этот вечер Джимми в сопровождении Блотто отправился к стрелке и обильно посыпал ее кайенским перцем. Блотто, с любопытством наблюдавший за всеми его действиями, также получил свою долю перца, после чего бросился быстро бежать домой, причем Джимми кричал ему вслед:

— Вот тебе. Будешь помнить, что трогать этот рычаг нельзя.

Вернувшись к своей сторожке, Джимми застал Блотто отчаянно чихавшим. От перца по морде его катились слезы, смешанные с поднятой им пылью.

Около этого времени к Джимми приплыли по реке два лесных сторожа. Один из них случайно спросил:

— Что вы думаете сделать впоследствии с этим медведем? Он скоро будет слишком большим и сильным. Ведь, дикий зверь никогда не знает и не соразмеряет своей силы.

— Не знаю,—ответил Джимми,—затем, после паузы, он добавил:—Я надеюсь, что Блотто убежить в лес, когда настанет осень. Хорошо было бы, если бы он вернулся к своим. Я делаю все от меня зависящее, чтобы он это сделал. Он был мне отличным сожителем и мне будет очень жаль расстаться с ним, но для него это всего лучше.

Лесные сторожа сели в свою пирогу, заработали веслами и на прощанье замахали шапками железнодорожнику и черному лохматому зверьку.

После этого Джимми стал наблюдать за ростом своего медвеженка скорее со страхом, чем с одобрением.

Однажды вечером, когда Джимми охотился за мышью внутри дома, Блотто стал усердно помогать ему, и, когда испуганная мышь побежала через комнату, медвеженок нацелился в нее ударом, способным опрокинуть вола. Удар пришелся шагах в двух позади мыши, но сбил с ног Джимми, который полетел, наполовину оглушенный, в угол. Этот удар сломал по пути единственный стул Джимми и поверг на пол целую лавину кухонной утвари, висевшей за печкой. Пока Джимми медленно приходил в себя, Блотто сел на мышь в одном углу, затем, не заметив этого, стал вынюхивать ее в другом и, в конце концов, вышел из дому с прилипшей в нему сзади мышью.

Было совершенно ясно, что Блотто уж слишком силен и велик в качестве домашнего любимца, но он выказывал такое добродушие, такую понятливость, что, кроме роста и силы, все говорило в его пользу.

Однажды вечером Джимми решил, что необходимо смазать механизм стрелки, и отправился к ней со своей масленкой, оставив Блотто охотиться за пчелами, но, рассмотрев стрелку, Джимми увидел, что она нуждается в некотором ремонте, принес клещи и принялся за дело.

Однако, одного болта он никак не мог сдвинуть с места. Джимми уперся всей своей тяжестью на клещи, и болт внезапно переломился. Джимми упал назад, зацепился каблуками за рельс второго пути, и не успел он опомниться, как уже катился вниз, по крутой насыпи по направлению к реке...

Джимми прокатился не менее шестидесяти футов и, когда он попытался встать, то заметил, что не в силах этого сделать. Казалось, будто правое бедро его сдвинулось с места; он чувствовал себя парализованным от бедер до конца ног.

Блотто—спаситель.

Положение казалось отчаянным. Бедро Джимми было сломано, и он никак не мог сдвинуться с места. Но в течение часа должен был притти вниз с горы следующий поезд. Джимми вытащил свои часы. Нет, до поезда оставалось всего тридцать минут. Стэндинг, наверное, находился некоторое время в бессознательном состоянии.

ИЗБИЕНИЕ ПИОНЕРКИ.

Одесса, 18 ноября. В с. Витязевке, Зиновьевского округа, одна из сельских юных пионерок поместила в стенной газете заметку, разоблачавшую члена сельсовета в кражах, пьянстве и в сделках с кулаками.

Пионерка подверглась преследованию со стороны разоблаченного члена сельсовета и его приятелей—кулаков. Заманив пионерку в глухое место, кулаки начали ее избивать. Девушке с трудом удалось вырваться из рук кулаков. Все виновные в избиении арестованы. Против них прокурором возбуждено уголовное дело.

Мы протестуем.

Широкая редколлегия журнала „Пионер“ шлет свой протест против избиения нашего товарища пионерки Зиновьевского округа за разоблачение в краже и пьянстве сельсовета. Мы ждем должного наказания со стороны пролетарского суда и приветствуем юную пионерку, выполнившую обязанность каждого ленинца.

Ребята, укрепляй нашу стенную газету, этим мы поможем нашим рабкорам, цель которых улучшить и очистить нашу Республику от контр-революциии.

Широкая реколлегия журнала „**Пионер**“.

Приветствуем за правду.

Мы, пионеры Красной Пресни, заслушав на собрании отряда сообщение об избиении пионерки в селе Виязевке, приветствуем ее за то, что она не побоялась сказать правду.

Все пионеры должны поступать так, пусть кулаки и белогвардейцы помнят, что пионерское движение растет и таких, как она, будет больше и больше с каждым днем.

Товарищи рабкоры и селькоры, знайте и вы, что вам на смену идет наша молодая многотысячная армия пионеров-ленинцев.—Всегда готовы!

Пионеры 18 отряда Красной Пресни—Москва.

На борьбу против кулаков!

Мы, юные пионеры 39 отряда Сокольнического района, протестуем против насилия кулаков над пионеркой, разоблачившей члена сельсовета в краже и пьянстве с кулаками.

39-й Сокольнический отряд.

Желаем всем быть такими.

Мы, пионеры 5-го отряда Замоскворечья звена „Прожектор“, выносим свой протест против избиения пионерки на Украине и говорим, что она очень хорошо сделала, не боясь высказать правду всем в глаза. Желаем всем пионерам быть такими-же прямыми и смелыми.

Звено „Прожектор“ 5-го Замоскворецкого отряда.

Когда Джимми обдумывал этот вопрос, у него в голове промелькнула страшная мысль. Он оставил стрелку в таком положении, что следующий ожидаемый им поезд, идущий с горы, неминуемо пойдет по запасному пути, ударится о дубовую перекладину, служащую буфером, собьет его и скатится вниз по насыпи в реку, находящуюся на расстоянии семидесяти футов.

Мысль эта оледенила сердце Джимми.

Он стал извиваться и тянуться и при помощи сверхчеловеческих усилий дотащился до ближайшего камня. Теперь он мог видеть конец длинного рычага. Стрелка, действительно, была направлена не в ту сторону, куда следовало.

Джимми застонал и беспомощно закрыл лицо руками, но сделать ничего не мог. Перед ним носились картины позора, отставки и чего-то еще в тысячу раз худшего.

Как раз в эту минуту он услышал громкое киа-уа-уа, пронесшееся вниз по насыпи. Блотто нашел пчелиное гнездо, до которого не мог добраться, и его, конечно, ужалили в нос пчелы. Блотто!.. Но что мог сделать Блотто!?

И друг в голову Джимми пришла дикая мысль,.

— Блотто!—закричал он.—Эй, Блотто, иди сюда!

Медвеженок показался, шагая на задних лапах и обнюхивая каждый кустик. Немного погодя, его лохматая голова склонилась с железнодорожного полотна, и маленькие глазки посмотрели вниз на Джимми.

— Качай, Блотто, качай!—закричал Джимми.

Блотто осмотрелся кругом и увидел рычаг стрелки. Он схватил его передними лапами и начал двигать взад и вперед, а концы рельсов сталкивались и расходились в такт качанию Блотто. Наконец, медвеженок взглянул вниз, точно спрашивая у Джимми, не достаточно ли. Но Джимми увидел, что Блотто оставил рычаг в таком же положении, в каком нашел его, то-есть, не в том, какое было нужно.

— Качай, Блотто, качай,—скорее взвизгнул, чем прокричал он, потому что теперь уже можно было различить грохот спускавшегося с горы вечернего поезда.

Стук колес все ближе и ближе. Блотто снова ухватился за рычаг и налег на него всей своей тяжестью. Он еще раза два дернул его и, очевидно, опасаясь кайенского перца, остановился, чтобы потереть себе нос, и Джимми, посмотрев вверх, увидел, что рычаг стоит, как должно.

— Муравьи, Блотто,— прокричал он,— Муравьи, мед, гусеницы, мыло! Иди сюда, Блотто!—И пока Джимми постепенно терял сознание, Блотто скатился с насыпи от поспешности. В эту минуту раздался грохот колес и вечерний поезд благополучно проследовал мимо.

На следующее утро Джимми нашли и снесли на поезд, который должен был отвезти его в отдаленный госпиталь. Блотто, конечно, был тут же и, когда поезд двинулся в путь, унося с собою Джимми, Блотто, которого вытолкали, выгнали и отпугнули от багажного вагона, бросился бежать за ним.

Два часа спустя стрелочник на другой отдаленной станции увидел пробегавшего мимо его сторожки большого черного медвеженка, стремящегося за поездом, находившимся теперь на расстоянии пятидесяти миль впереди. Рабочие на лесопилке в Кракардо тоже видели его к вечеру, все еще упорно бегущим по следу поезда, теперь уже спускающегося по противоположному склону скалистых гор. В Крос-Крике видели, как он переправился кратчайшим путем, переплыв через реку, воду из которой он пил во все время плавания, затем дальше вверх по горе он снова взобрался на железнодорожное полотно. В Буффало-Форде один золотопромышленник заметил что-то, сперва принятое им за облако пыли, но затем оказавшееся целым роем мух, приближавшимся по железнодорожной просеке. Когда рой этот проносился мимо, он заметил, что в центре его находится медвеженок. В Уойтфиш-Ривер Блотто случайно забежал на запасный путь и, не имея возможности ничего рассмотреть впереди из-за мух, ударился о буфер с такой силой, что его массивный зад поднялся в воздух и выглянувший в окно сторож увидел лохматые задние ноги Блотто, странно обрисовавшиеся на ясном голубом небе. И когда настали сумерки под жалобные крики ночных птиц — Блотто снова видели, на этот раз у пристани Корфа, где прекращается железнодорожное полотно, и весь поезд перевозится на ту сторону озера на пароходе.

Говорят, что язык Блотто свешивался по меньшей мере на фут, и он так долго бежал, что, повидимому, даже позабыл, как вообще останавливаются. Добежав до конца полотна, он упал через край и полетел прямо в озеро, лежавшее в двенадцати футах ниже. Однако, не теряя бодрости духа, он поплыл к противоположному берегу, находившемуся на расстоянии мили; за этим берегом лежала бесконечная пустыня, смутная, дикая, не попираемая ногой человека—область диких сородичей Блотто.

Так осуществились надежды Джимми. Итак, Блотто оказался исключением, подтверждающим правило, потому что он вернулся в пустыню с ничем не запятнанным почтенным именем.

ХОЧУ БЫТЬ ПИОНЕРОМ.

Ждет, бывало, Васютка—больше-волосый мальчик лет 9, когда это по улицам пионеры пойдут с барабаном и светлой трубой. И к сестре Маньке и к отцу с матерью ежеминутно пристает:

— Скажи, коли по улицам пионеры пойдут?

Те только от него отмахивались руками, как от назойливой осенней мухи.

— Мамка, скажи што-ли! Мам-ка, а ма-м-ка-а-а...

И начнет выть, самым настоящим образом, с всхлипыванием.

А уж как заслышит издали барабанную трель, первый выбежит на улицу пионеров смотреть. И далеко, далеко провожает их вместе с другими мальчишками. Очень любит Васютка смотреть, как ходят пионеры. Уж очень чудные они! С красными галстуками и какими-то красными значками. А разговаривают, как большие. Третьего дня один из них на большой сходке у Совета долго-долго о чем-то говорил с мужиками и все махал руками. Только Васютке было все непонятно. Но он сам слыхал, как старики про него говорили:

— Здорово, каналья!..

— Вот молодежь-то пошла, не то, что мы были...

А потом долго качали головой...

А теперь вот уж с неделю прошло, как Васютка нигде пионеров не видит. Словно уехали все куда... А посмотреть на них очень хочется.

И как это они пионерами делаются?

Васютка этого не знал. Он решил так, что сначала надо галстук надеть с железным значком, а потом уже вместе с ними ходить. Он следующий раз это обязательно сделает. Ему давно охота быть пионером. А пока надо приготовить галстук и найти значек.

Воспользовавшись тем, что в избе никого нет, Васютка отыскал самотканный сарафан матери, красный, с синими полосками. Хоть у пионеров галстуки и без полосок, ну для первого раза сойдет. Вырезал из подола косынку, примерил—хорошо. От радости даже припрыгнул. Теперь надо значек. От лошадиной сбруи отрезал светлую медную пуговицу и пришил к галстуку.

Теперь совсем пионер, настоящий.

Большими прыжками выбежал из избы,—не сидится на месте.

Как же, ведь, он стал настоящий пионер!

Стал пробовать, как это ходят пионеры.

— Ать, два... ать, два... левой, левой...

Выходит.

Только барабана нет. Отыскал решето матери, взял две палки; подвесил к груди решето и, стуча палками, опять стал по двору маршировать. Ать, два... Левой, левой... Ать, два...

Хорошо, только вот один, а пионеры всегда ходят кучей.

Побежал в избу за маленькой сестренкой и братишкой, чтобы вместе маршировать.

В избе была только мать. Увидав его в красном галстуке, и с решетом на груди, она дико закричала

— Ах, ты, окаянный! Последний праздничный сарафан изрезал!.. И решето все пробил.. У-у-у, окаянный!—И с громким криком бросилась за Васюткой... Васютка из избы удрал и спрятался от матери на конюшню в солому.

Он знал, что сегодня вечером сильно его побьют, но все-таки пионером быть он никогда не откажется.

Пикор П. Полтев.

....

Беспризорные.

„Эти дети без призора“—
Говорят всегда о нас.
Что-ж! Недаром под забором
Мы ночуем каждый раз.

Кто по улице заметит
Лица маленьких бродяг,
В лицах этих тот подметит
Муки жгучей—резкий знак.

Эти лица наши с „знаком“
Нас лишений душит гнет,
Это в нас увидит всякий
Как бродяжий дух растет.

Мрачной, жуткой жизни годы
Коротаем в злой нужде...
Все невгоды да невзгоды
Поджидают нас везде.

Мы—птенцы, мы только дети,
А несем страданья след.
Гибнем, гибнем мы во цвете
Наших гордых, юных лет.

Кто желаний пыл измерит?...
Кто укажет, как нам жить?
К жизни новой, кто поверит,
Как стремление бурлит.

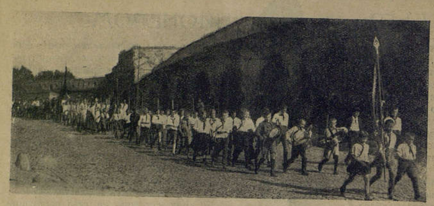
Нет не верится, что будем
Вечно бедствовать, страдать.
Верим, знаем: как все люди
Будем жить всегда, всегда...

— Эти дети без призора—
Говорят всегда о нас.
Что-ж! Недаром под забором
Мы ночуем всякий раз.

....

Владимир Бух (15 л.). Баку.

НАША ЖИЗНЬ

Пионеры Замоскворечья на демонстрации.

Наш Октябрь.

Как мы провели праздник.

В клубе идет оживленная работа. Все очень усердно готовятся к выставке. Уже темно. В самый разгар нашей работы вдруг потухло электричество. Мы достали у соседей маленькую коптилку и фонарь. Все ребята ушли спать, только осталась маленькая кучка ребят: редколлегии газеты и журнала и из звена „Художник“ и „Безбожник“.

Тихо в доме—все спят, только у нас при тускло мигающем свете идет дружная работа. Кто сочиняет в газету, кто с рисунками возится, а на полу в темноте с плакатами стараются. Шутки, смех раздаются.

— Половина 2-го — сказал Миша Ерышев — шамать что-то хочется.

— Давай, Лехер, доставай хлеба.

— Правильно, правильно — крича, хором ребята.

Быстро появляется хлеб и все с аппетитом принимаются за него, и снова за работу. Чувствуется спайка и общее товарищеское желание пособить друг другу в общем деле. Весело работаем. В 3 часа собираемся спать и гуськом один за другим пробираемся по спальне.

На другой день мы все отправляемся на демонстрацию в честь 7-й годовщины Октября. Весь город в красных флагах; по улице движется длинная вереница людей. Всю эту вереницу окрашивают красные знамена. Пионер мерно выбивает дробь барабана, сзади шагают октябрята.

8 отряд. Н. Новгород. **В. Копытин.**

Как у нас прошел праздник Октября.

(71 Замотряд.)

Задолго до праздника начали готовиться к нему.

По звеньям шли беседы об Октябре, читали рассказы из того времени, рисовали про то, что читали, рисовали плакаты, писали газету. На отрядных сборах ребята делали доклады. Вожатый тоже говорил, только после них. Кроме того, готовились к постановке пьесы „7 лет“. В ней показано: почему была Октябрьская революция и как прошли годы Соввласти. Эту пьесу трое ребят вместе с вожатым сочиняли целую ночь. Участвует в ней весь отряд и то еле народу хватает.

7-го ноября с раннего утра собрались в клубе и чтобы не озябнуть возились, играли, маршировали.

Но вот команда „Становись!“ Выстроились и с барабаном впереди встали в колонну. К нам встали несколько деревенских мужиков и баб. Разговорились. Они недавно приехали издалека в Москву, про пионеров раньше только слыхали. Теперь увидали и очень жалели, что у них еще нет организации.

„Больно уж“—говорят,—„хорошо смотреть как вы идете-то, а что вон наши ребята только за кутятами (щенятами) гоняются“.

Пошли с нами в рядах. Мы им дали красные бантики.

Вот и Красная площадь. Перед мавзолеем склоняем знамя. На мавзолее старые коммунисты приветствуют нас.

Вдруг все взволновались.

— „Ярославский, Ярославский вон стоит“ (наш отряд его имени).

Мы замахали ему шапками, руками и не знаем, не то правда, не то показалось нам—он махнул и нам.

— „Ура“ —дружно кричали мы во все горло, когда с трибуны кричали приветствия.

8-го базовый праздник пионеров в нашем клубе. Собирались 5 отрядов. С барабанным боем, с песнями подходили они. Задолго до начала стали собираться родители пионеров. Мы им дали журналы: „Пионер“, „Барабан“, „Юные строители“. Родители читали их, знакомились, между собой разговаривали.

Наконец—„базовый праздник считаю открытым“.

Вожатые и пионеры сделали коротенькие доклады об Октябре. Потом началась пьеса „7 лет“. За ней гимнастика, другие пьески. С каждого отряда понемногу. Кончили пирамидой.

10-го смотрели всей базой, опять-таки с родителями, кинофильму „Кино-глаз“.

С песнями разошлись по отрядам.

Так прошел и кончился наш праздник Октября.

Королева Лида, Пашлов Шура и Разоренова Фрося.

Алтайские пионеры на демонстрации.

Форпост на празднике.

У нас в школе был праздник Октябрьской революции.

Открывали и руководили собранием пионеры форпоста. На собрании I ступени был доклад нашей пионерки „Октябрь и дети“, который закончился стихами, понравившимися ребятам:

„Кто за нас—иди за нами,
Был чужой, а станешь брат,
Тот, кто стал под наше знамя,
Не воротится назад“.

Кроме доклада была поставлена нами пьеса „Колька в плену“. Школьникам эта пьеса очень понравилась. Особенным успехом пользовались „чертенята“ и „поп“, каждое движение которых сопровождалось громким хохотом. Во время прохождения участвующих среди публики, ребята „чертенят“ таскали за хвосты.

Вечером собрание школы II ступени. Тут тоже был доклад нашего пионера, а также и приветствие от форпоста и опять наша постановка „Колька в плену“. Хотя мы и не надеялись с ней на успех, потому что здесь были более взрослые учащиеся, но и здесь она прошла хорошо и понравилась всем. Кроме ее, мы ставили инсценировку „Помогите“, которая закончилась тем, что все участвующие взяли по букве и встали, так что вышел лозунг „Все в члены МОПР“.

Пионеры 1 отряда Красной Пресни (43-я труд. шк.) **В. Стрешнев и А. Стернин.**

У ДЕРЕВЕНСКИХ РЕБЯТ.

Пионеры и сельские выборы.

У нас в селе Сенешине, были выборы в сельсовет. Зная, что пионер участвует в общественной жизни, мы организовались вместе с учениками школы, пошли демонстрировать по селу, чтобы привлечь на сход выборщиков. Выборщиков собралось много и благодаря нам выборы прошли оживленно. Здорово разбирали кандидатуры и выбрали кого стоило.

Пикор сельского отряда.

Городским ребятам!

Дорогие товарищи-пионеры!

Мы из далекого села шлем вам привет. Мы просили вас, городских ребят, дать нам помощь литературой. Мы слышали про журнал „Пионер“ и купили его в городе один номер, а больше нет денег. Просим вас сообщить, какую ведете работу. Мы даже не знаем пионерские игры и песни. Мы организовались недавно, только в начале сентября.

Хороший журнал „Пионер“ и много в нем хорошего, но средств нет, а будут деньги, то—выпишем. Просим не оставить просьбу. Шлем вам товарищеский привет.

Юные пионеры в селе.

Адрес: Уфимский кантон, Уфимская губерния, Улу-Телянская волость, поселок Улу-Теляк.

Хочется работать.

Дорогие товарищи! Живу я в Баланде, Аткарского уезда, Саратовской губернии. Недавно я узнал, что в городах есть отряды юных пионеров, в которые принимаются маленькие ребята, которые из себя готовят смену старшему брату—комсомолу.

Мне очень хочется работать совместно с пионерами, но при нашей деревне пока нет отряда, но он в недалеком будущем будет, и я при первой возможности запишусь.

Сейчас я изучаю биографию Владимира Ильича Ленина, зная, что когда я вступлю в пионеры, то я буду называться ленинцем, и чтобы быть похожим на нашего великого вождя, я хочу узнать, как он жил.

Один мой товарищ выписывает журнал „Пионер“; я его прочитал с 1-го номера до четвертого включительно. Мне очень он понравился и я попросил отца выписать его; он мне пообещал, хотя выписка его нам трудновата. Я стараюсь всем ребятам растолковать, кто такие пионеры, читал вместе с ними журнал „Пионер“, он им понравился; особенно понравились им рассказы: „Жиган“ и „Апчхи“; они тоже хотят записаться в пионеры.

Аркадий Сиванов (Баланда Аткарскаго у.).

СЕМЬЯ ЛЕНИНЦЕВ

Семья рабочего завода „Серп и Молот“ Сидорова. Отец и мать коммунисты, дети—комсомолец, пионер и октябренок.

ПРОШУ СЛОВА.

Почему я не пионер.

Весной текущего года я записался пионером в коллектив „Спартак“, но вскоре уехал из Ростова, и за все мое пребывание в пионерах мне удалось посетить 3—4 сбора коллектива.

По возвращении осенью в Ростов я захотел вновь записаться в пионеры, но, к сожалению, сделать этого не смог. У нас в школе уже начались занятия (с 12 час. дня до 4 дня). Но это не беда, а вся суть вот в чем: пионеры нашей группы (да не только нашей, пожалуй) очень часто не посещали дни занятий, а на вопрос, почему, ссылались на сборы в коллективе. Конечно, многие злоупотребляли этим, но были и те, что говорили правду. Вот это то в большинстве случаев заставляет ребят не состоять в пионерах, потому что каждый пропущенный день занятий приносит огромный вред учащимся.

И когда ростовское горбюро Ю. П. устранит это, тогда я и многие ребята с удовольствием запишутся в пионеры.

Б. Титков.
Ростов на-Дону.

От редакции

Ребята! Правильно ли Титков думает, что школа мешает быть пионером?

Конкурс вреден.

Однажды вожатый отряда в стенной газете поместил об'явление о том, что приблизительно такого-то числа будет конкурс между звеньями и написал его условия.

Их было много, а работа нашего звена хромала, и мы очень волновались. Одним из условий конкурса была посещаемость. Из нашего звена мало кто ходил, и кто был поаккуратней. За час до сбора собирали всех по домам. Почти каждый день у нас были отрядные сборы. Звено тоже часто собиралось. Мы поставили себе целью занять 1-е место.

Но вот нам об'явили: „Завтра конкурс“. Мы возмутились, что нас не предупредили раньше, но пришлось покориться, и мы стали усиленно готовиться. На следующий день мы пришли за два часа до конкурса. Все время мы читали биографию Ильича и учили законы юных пионеров.

Когда же все собрались, оказалось, что из нашего звена пришло всего трое. Мы тряслись, как в лихорадке. В тот день спрашивали биографию Ленина, законы и пионер-практику. На следующий же день мы пошли в ночевку. Там было состязание постановка палатки, варка каши, стирка и ночная тревога. В последнем дне наше звено отличилось. Мы вскочили и построились первые, в две минуты... Перед уходом домой вожатый об'явил окончательный результат конкурса. Мы заняли 3-е место...

Я думаю, что конкурс хорошо только в том отношении, что он поднимает работу. Но мне даже неприятно вспомнить, как все мы злились друг на друга, огрызались и, когда что-либо не удастся, обвиняли других. Злыми и жадными глазами смотрели мы, как подвигается вперед работа другого звена.

Нет, я думаю, что конкурсы не только не нужны нам, но даже вредят отношениям пионеров.

Пионер 1-го ж. д. отряда.

В следующем номере читай мнение пионерской редколлегии „Пионера“ о конкурсе.

НАШ ОПЫТ.

Наша библиотека.

Так как нами выписывается много журналов, как, наприм.: „Крокодил“, „Пионер“, „Барабан“ „Юные строители“. „Работница“ и др., а из газет „Рабочая газета“, „Беднота“, „Кипяток“ и „Радио“, то мы решили сделать у себя свою маленькую пионер библиотечку.

На собрании вожатых звеньев мы постановили организовать у себя в детдоме свою маленькую пионер библиотечку. Тут же выбрали одного из нас в библиотекари. Затем поручили ему нами выписываемую и ребятами приносимую литературу (журналы, газеты и пр.) по записи, выдавать каждому на руки для чтения. Желающие же, конечно, могут читать и в библиотечке, также по записи.

Открывается наша библиотечка с 1-го часа дня, так как остальное время мы бываем заняты, а закрывается в 5 часов вечера, причем находящиеся на руках газеты и журналы сдаются на ночь в библиотеку. Ребята относятся очень бережно и с охотой прочитывают поступающую новую литературу. Библиотечка пополняется путем взносов, делаемых самими ребятами.

За последнее время библиотечка растет от взносов ребятами газет и журналов, которые большей частью ими покупаются, газеты „Безбожник“, пионер-газеты „Юная смена“ и много другого, чего вначале не было. Теперь нам остается еще больше расширить свою библиотечку и сделать ее доступной и для других ребят детдомцев, живущих поблизости нас, а сделав то, мы осуществим частичку ленинизма на практике.

Пионер **Александр Журавлев.**
7-го отряда Сокольническ. района—Москва

Наша связь с комсомолом.

С тех пор, как организовался наш коллектив, комсомольцы на него ни разу не обратили внимания. За все время прикрепленного не было, пионеры с комсомолом также не были связаны. Только за последнее время начинает замечаться некоторое влияние комсомола у нас. Комсомольцы начали посещать наши собрания, немного начали помогать нам в нашей работе. Они берут над нами шефство. Теперь мы почти совсем слились с комсомолом. Они нам выделили хорошего прикрепленного, который нами руководит. Кроме того, комсомольцы у нас в коллективе принимают некоторое участие в работе. Помогают нам выпускать нашу стенную газету и т. д. Часто посещают наши собрания. Мы же с нашей стороны также посещаем собрания ячейки комсомола. Словом, комсомольцы взялись за дело, помогая нам проводить часть нашей работы.

Пионер **С. Эпштейн.**
(Харьков).

Помогаем и мы.

5-й Уфимский отряд Ю. П. имени Якутова, после беседы о воздушном флоте и его значении постановили вступить в члены О. Д. В. Ф. всем отрядом, а 2-му звену (так как оно называется „Красный Летчик“) вступить особо.

После беседы о МОПР‘е—вступили все звенья в члены МОПР‘а

Теперь уже получили билеты. Выписываем литературу о воздухофлоте и серьезнее вникаем в его значение.

Вот как мы строим новое наше государство.

Пикор I **Клара Миронова.**

Связь с заводом.

Наше звено организовалось недавно, всего еще только 2-го июля 1924 года.

Начали выбирать название своего звена.

Выбор пал на „Домну“. Это печь в заводе, где из руды плавят чугун. Решили изучить ее подробно.

Придя на экскурсию в завод на домну, наш дедушка рабочий рассказал нам о значении домны и о зарождении ее на нашем заводе. Рассказал и о том, как работают тут рабочие и как тяжел их труд.

Мы узнали и о том, каким образом из руды выплавляют чугун и выделывают разные вещи.

Все это очень интересно. Изучивши доменую печь, мы ее нарисовали в нашем звеньевом уголке, описали ее и собрали коллекцию продуктов, требуемых для переработки руды в чугун.

Рабочие, работающие на домне, пригласили нас еще и мы туда в скором времени пойдем.

Ваня Братчиков. (Омутинск, Вятской губ.)

Пикоры!

Пишите о работе в семье и школе.

Ширятся ряды пионеров.

Наш отряд еще молодой (организовался 27 августа т. г.) и поэтому все время до 5 октября занимался, главным образом, разбором пионерских законов.

„Как понимать наш первый закон, что пионер верен делу рабочего класса?"—спрашивает звеновой. „Перед каждым поступком он должен подумать, полезно-ли это для рабочего класса",—отвечают ребята „Так. Ну, а вот написано, что пионер здоров, вынослив. Что-же, пионер не имеет права болеть, что ли?"—продолжает звеновой.

Не знают ребята, звеновой расскажет, а если он не сможет, то уж сам Шура (вожотряда) возьмется.

Так изучали законы и обычаи.

„Давайте ребята, из отдельных номеров физкультуры составим целую фигуру, с коллективной декламацией выступим с ней на отрядном празднике",—предлагает вожатый.

„Даешь".

—При словах „мы пионеры—рабочих дети", руки идут в стороны, ладони...—об'ясняют на занятиях физкультурой.

С каждым разом лучше и лучше делают ребята движения и, наконец, совсем готовы к выступлению.

В это же время шеф, вместе с нами, готовит галстуки, знамя и костюмы.

* * *

Вот наступил самый замечательный для отряда день 5-го октября. В этот день мы будем давать свое торжественное обещание. С раннего утра собрались ребята во дворе клуба и стали убирать его к празднику.

Тащи лестницу! Ставь сюда! Приколачивай плакат!

Флажок-то вон туда повесь—слышатся со всех сторон звонкие голоса.

Солнышко тоже как будто радуется с нами.

Светит во-всю. Тепло. Хорошо.

* * *

Приготовления кончаются. Собираются гости. Пора начинать.

Вдруг кричат:—„Ярославский приехал!" „Ярославский приехал—отозвалось по клубу и со всех ног бросились ребята к дорогому гостю.

„Я к вам не надолго",—говорит он,—„только что с собрания и опять на собрание".

„Ну, ничего, и то хорошо".

* * *

В зале полно.

„Буржуазия говорит, что пионеры—это большевистское зелье. По нашему же, это молодые ростки, корешки которых разовьются в мощные дубы-коммунисты—говорит Ярославский. —Пионеры! делайте из себя хороших коммунистов, будьте готовы!

—Всегда готовы!—дружно прокатилось по зале.

И бодро чеканили мы, отдавая салют—„Будем твердо стоять за дело рабочего класса", „честно исполнять заветы Ильича".

Мы знаем, что исполним свое обещание. Из нас выйдут комсомольцы, а потом партийные,—настоящие большевики.

Этот день никогда не уйдет из нашей памяти.

Галкина Нюра и Королева Лида.

Из 71-го Замоскворецкого отряда при клубе „Детский Уголок".

1-й отряд Замрайона при клубе „Детский уголок" с т. Ем. Ярославским.

И бабушка поняла.

Как только дала я торжественное обещание и пришла домой, то с радости и не знала, что мне сначала делать.

Но как увидела меня моя бабушка, которая все время меня пилила за пионерство, как увидела в пионерском галстуке, так еще пуще разозлилась и давай меня пробирать.

Но я тут решительно выступила против нее. Рассказав ей все про пионеров, что они делают, к чему стремятся и про торжественное обещание, и про то, что мы на нем сказали.

Моя бабушка замолчала, а теперь мне ни слова не говорит о „пиванерах безбожниках".

Пикор **Вера Тихонова.**

5 отряд Уфа.

ЕГОРКА.

Вокзал. Состав из 10—12-ти вагонов ждет паровоза, чтоб отправиться в путь. В одном из вагонов несколько пионеров. Были по делам в Москве, а теперь возвращаются в лагерь. Разговаривают между собою. Некоторые читают журналы. Вдруг влетает в вагон Беляев.

— Сейчас встретил беспризорного парнишку.— Я его уже раз встречал в трамвае, разговорился, просит куда нибудь определить. Я отвез его в Райбюро, там никого не было, я оставил его, он так никого и не дождался...

Рассказывает, торопится, глаза так и сверкают, хочет сразу все выложить.

— А сейчас, я иду, он подходит, подает руку: „Здорово" и говорит: „ты что-ж меня надул-то". Мне нечего и отвечать.

У вожатого мысль:

— В лагерь...

— Даешь! Катай, Беляев!...

Беляев срывается, бегом из вагона и скоро обратно с беспризорным. Безпризорный парнишка лет 10-ти, белобрысый, с веснушками и с бельмом на глазу. На нем вместо рубахи что-то вроде женской кофты; рваные, кругом в заплатках, штаны и еще рванее пальто. Начались расспросы: Кто, откуда, как попал и т. д.

Отвечает:

— Егорка Кузнецов, из Вятки.

Как и следовало ожидать, ни отца, ни матери нет.

— А кто в Вятке есть?

— Сестра есть. Да что мне у ней делать-то, она бить меня еще будет...

— Да, ребята! А билет Егорке?

— На деньги, кати!

Но Егорка останавливает.—У меня деньги есть.

— Ты откуда деньги взял?—спросил его один пионер.

— А по вагонам насбирал,—ответил Кузнецов.

— А где спишь?

— А в будке, внизу.

Беляев добавил:—Тут есть поваленная Моссельпромская будка, он внизу и спит.

Наконец, прицепили паровоз...

Свисток кондуктора, ответный паровоза—и тронулись.

— Тар-ра та-та, тар-ра та-та—застучали колеса по рельсам,

На станции Домодедово вышли из вагона.

— Ну, айда, в лагерь!...

— Сейчас обмоем Егорку, переоденем. А есть что переодеть-то?

— Есть у меня лишняя форма,—ответил Павлов.

Пришли в лагерь. Пионеры в недоумении. В чем дело?

— С нами жить будет—отвечаем.

Достали белье, мыло, и часть пионеров пошли на р. Рожайку мыть Егорку и скинуть с него одежду, в которой, как говорил Егорка, „вши тыщами и не сочтешь".

Через полчаса вернулись. Егорка дрожит, скорее к костру. Пионеры стали с ним знакомиться. Егорка почувствовал себя у пионеров своим. А вечером на совете вожатых—вопрос о Егорке.

Павлов рассказал все, как было.

— Куда его теперь?

Беляев рассказал, что Егорке сразу девчата больше понравились, они и одернули и пуговки на рубашке застегнули.

— Отдать его в звено к девочке—вожатой Марусе Ивановой — было решение совета вожатых.

Итак, Егорка Кузнецов — член звена „Красный Октябрь".

Был уже вечер, когда Маруся после совета вожатых сообщила своему звену:

— Ну, ребята, к нам беспризорного к звену прикрепили.

— Ну, айда, в лагерь.

— Это Кузнецова-то?

— Да.

Спуск флага. Кузнецова нет.

— Где он?

— Спит, сообщил комендант.—Свернулся в три погибели и спит в палатке в яме. По привычке, вероятно.

Его перетащили и положили, как подобает.

—Пустите, чего я вам сделал,—вырывался Егорка.

— Да ничего, что ты, спи,—и он тут же захрапел.

А утром на под'еме, как старый пионер, стоит по росту вместе со своим звеном.

Стал жить Егорка, как и все пионеры живут. Не узнаешь, что с вокзала. От пионеров не отстает. Пионеры—купаться, Егорка уже в речке. За коллекциями,—Егорка тоже помогает. Когда пионеры выезжали в Москву, его с собой взяли. Первую ночь переночевал у одного пионера, а на другой день отвели в Райбюро, а Райбюро отправило его в Царицынский лагерь в отряд беспризорных.

Павлов.

Вожатый 40-го отряда Замоскворецкого района.

Как самому сделать летающую модель самолета.

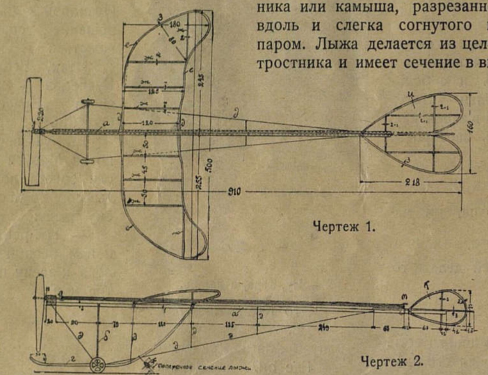
Модель, которая здесь описывается, изготовить не так трудно.

Пролетает она больше 50 метров; полет ее ровный и плавный; когда завод мотора кончается, модель начинает полого снижаться и мягко садится на землю.

Надо заметить только, что постройка ее требует точности, исполнение должно быть тщательное, отступления от приведенных ниже чертежей могут привести к тому, что модель не полетит.

Постройку модели надо начинать с приготовления основного бруса. Он должен быть прямой, без сучков; длина его—835 миллиметров, а размеры поперечного сечения—6×6 мм. На чертежах 1 и 2, представляющих вид модели сбоку и сверху, основной брус обозначен буквой „а“. К этому брусу „а“ крепится шасси (тележка для разбега и посадки модели) при помощи подкосов „б“ и лыжи „г“ (см. черт. 1 и 3).

Подкосы „б“ делаются из тростника или камыша, разрезанного вдоль и слегка согнутого над паром. Лыжа делается из целого тростника и имеет сечение в виде

Чертеж 1.

Чертеж 2.

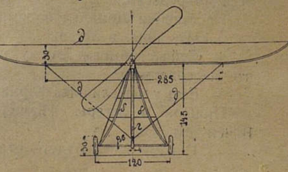
сплюснутого круга. Кривизна, показанная на чертеже 1, придается лыже тоже распариванием.

Подкосы и лыжа прикрепляются к основному брусу нитками с клеем. Для большей прочности от лыжи идут еще нитяные растяжки „д“.

Колеса (2 шт.) делаются так: вырезают из аллюминия [1]) кружок диаметром миллиметров 35, кладут его на наковаленку или на большой молоток и, ударяя маленьким молоточком по середине кружка, придают ему выпуклость (конусообразный вид) и пробивают в середине небольшое отверстие, в которое пройдет булавка. Два таких кружка складывают вместе, обращая выпуклость наружу, и натягивают на них колечко, отрезанное от резиновой трубки шириной 8—9 мм. так, чтобы резина туго прижимала обе половины (см. рис. 4). Сквозь отверстия продевается булавка, которая вкалывается в деревянную ось, сделанную из круглой палочки длиной 110 мм. и диаметром 3 мм. Чтобы конец оси не расщепился, когда в него вкалывается булавка, его предварительно обвязывают ниткой. Для того, чтобы колеса были легче, можно в них вырезать отверстия, как показано на черт. 1.

Если аллюминий достать нельзя, то можно колеса сделать из картона.

Крылья делают так: сперва приготовляют ободок „е“ (см. черт. 2) из круглого тростника диаметром 3 мм. На ободок „е“ сверху кладутся поперечные планки (нервюры) „ж“, прикрепмые к ободку нитками с клеем. Нервюры делаются из планочек, вырезанных из тростника, поперечным сечением 2×1 и 1×1 мм. Снизу к ободку и нервюрам подклеивается пергаментная бумага „з“, причем обрезается она по краю ободка после подклейки. Вырезать крыло из бумаги и уже потом подклеивать

Чертеж 3.

[1]) Можно использовать старую аллюминиевую кастрюлю.

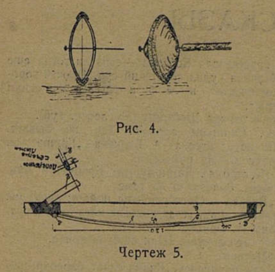

Рис. 4.

Чертеж 5.

не следует, т. к. всегда может случиться, что в каком-нибудь месте вырезано больше, чем надо, и бумага не натянется на ободок. На чертеже 5 представлено очертание разреза крыла. На этом же чертеже видно, как надо прикреплять ободок „е“ и лыжу „г“ к основному брусу „а“ и где надо подклеивать бумагу „з“.

На чертеже 2 показано, что крылья прикреплены к основному брусу не в середине, а таким образом, что от левого края до середины—255 мм., а от правого—245 мм. Это делается для того, чтобы при вращающемся вправо пропеллере модель не заваливалась влево.

Руль высоты „и“, и руль поворотов „к“ делаются, как и крылья, из тростника, размеры которого указаны на чертежах 1 и 2. Поперечные и продольные планки прикрепляются к ободку нитками с клеем, ободок к брусу привязывается тоже нитками с клеем. Руль поворотов надлежит обклеить с двух сторон.

Резиновый мотор. Для него нужно взять 24 нитки резины длиной 680 мм. и поперечным сечением 1×1 мм. Если их достать нельзя, то можно нарезать такой же длины нитки из старой велосипедной камеры. Нарезанная резина или готовые нитки резины складываются в пучок, и концы его туго перевязываются суровой ниткой. Затем пучок разделяется на 2 равных части, по 12 ниток, между которыми продеваются веревки и завязываются (рис. 6 в середине); узлы должны быть внутри пучка. После этого концы еще раз обматывают суровой ниткой так, чтобы наружу торчали лишь небольшие веревочные ушки (рис. 6 внизу), которые в дальнейшем надеваются на крючки „л“ и „м“ (черт. 1). Крючки отстоят друг от друга на расстоянии 725 мм.; делаются они из стальной проволоки диаметром 1 мм. Крючек „л“ проходит через просверленную деревянную колодку, которая прикрепляется к основному брусу нитками с клеем (рис. 6 наверху). Для уменьшения трения пропеллера о колодку надо поместить между ними бусинку „н“.

Пропеллер. Лучше делать его из нескольких склеенных тонких дощечек; но для простоты можно вырезать его и из одного бруска размером 220 × 35 × 20 мм. Сперва надо обстрогать его по пунктирной линии, как показано на рис. 7 (1), затем сделать разметку (2) и обрезать лишнее дерево, после этого в несколько приемов ножом снимаются стружки (3), пока не получится с одной стороны выпуклые, а с другой вогнутые лопасти (4). Пропеллер надевают на кусок стальной проволоки длиной около 70 мм., левый конец которой загнут, и тянут плоскогубцами за правый конец, чтобы загнутый конец проволоки вонзился в пропеллер. Затем правый конец продевают в бусину и колодку и тогда уже загибают его.

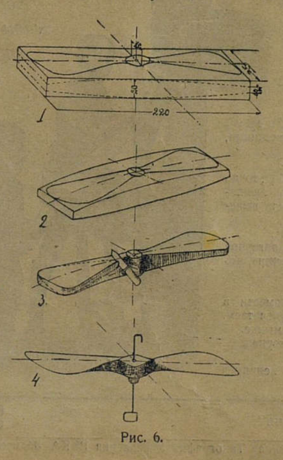

Рис. 6.

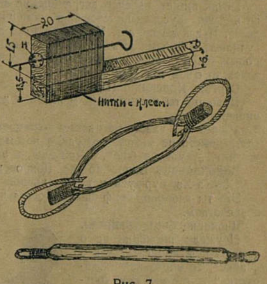

Рис. 7.

Вся модель должна весить около 70 грамм ($16^1/_2$ золотников). При плохом выполнении модель может получиться тяжелой; тогда надо добавить несколько ниток резины; но если она слишком тяжела (грамм 90), то резина мало поможет.

Если модель в полете идет круто вверх и потом начинает падать хвостом вниз—то надо отодвинуть крылья немного назад.

Если модель взлетает и начинает падать носом вниз, то надо переставить крылья немного вперед.

Если модель падает на крыло, то надо слегка опустить вниз задний ободок того крыла, на которое она валится.

Если модель не подымает при взлете хвост, то надо опустить вниз задний ободок руля высоты.

Если модель заворачивает в сторону, то надо слегка отогнуть руль поворотов в другую сторону.

При пускании сперва отпустить пропеллер, а затем уже модель, а не наоборот. Иначе модель сразу пойдет с креном и завернет.

ОТВЕТЫ НА СТИХИ И РАССКАЗЫ.

Нефедову (Пенза) и **А. Конишевскому** (Мариуполь).

Ваши рассказы слишком написаны по старине и похожи на рассказы буржуазных писателей о «замерзающих мальчиках», об ангелах - хранителях. Старо и неправдоподобно — поэтому не пойдет.

Потаку (Феодосия). **В. Зимину**(ст. Амазар) и **Ф. индману** (Саратов).

Потак пишет пьесу о загранице, не зная ее жизни и переносить туда русских приставов с немецкими именами, не годится. Пьеса не пойдет. У Зимина тоже в Берлине мэры разгуливают с белыми жезлами и подслушивают разговоры мастеровых,—мэры—во Франции и без белых жезлов. Нужно, ребята, знать то, о чем пишешь.

Сергею Ярошенко (Царицын).

Пикором ты нашим быть можешь и хорошим, а стихи пока пишешь плохо.

«Советская власть расцветает—гремит»—ну брат, что расцветает, греметь не может, это раз, а потом где же рифма—«руки—жизни», „тьмой—в бою". Пиши еще, а это не пойдет.

Водопьянову Ване (Москва, Покровский приемник).

„Ха-Ха-Ха, буржуев нет. Водопьянов 12 лет".

Это ты здорово срифмовал, а остальное все хуже—потому не печатаем.

Пионерке **Фире Блейман**.

Неужели пионерке не о чем больше написать, как о „Зайке", „о морковке" и „капустке" и о том, как „бедненький умер в клетке".

Пионерке **Головастиновой Насте**.

Попов много критиковали и интересней и остроумней, чем ты—не напечатаем. Пиши еще.

Хейфицу (Ленинград).

Обновленный интернационал—получился неудачен.

„Мы дети вольного народа
Коммуны, искры трудовой".

В чем тут дело? коммуны, искры, что-то непонятное. Поработай еще. Не поместим.

Ване Фомину (Москва).

Все твои стихи дышат искренностью, но ты еще плохо владеешь стихом. У тебя плохи рифмы, часто сажаешь слово „уже". Из всех стихов напечатаем „Думу" и Пасеку". Больше работай, толк из тебя будет. Главное, больше читай, чем пишешь.

Панову (Москва). Пиши-ка брат в „Смену", в „Пионер" не стоит. У нас ни с изменениями, ни без изменений не пойдет.

Ване Братчикову.

В тылу у Колчака очень неправдоподобно, точно в сказке, находят себе оружие и системы „подходящей". Тут же и поп и люди из под земли вылезают. Не пойдет.

Пионеру Рязанского детдома **„Шахтер"**.

Стихотворение о лагере слабо. Сравни лагерное стихотворение в № 6 и 7. „Пионера" и увидишь, что у тебя еще мало достигнуто. Шли еще.

Сазонову (ст. Дно, Сев. Зап. ж. д.).

Рассказ „Будущий пионер" лучше помести в стен-газету Стихи тоже слабы. Заметку не печатаем. Снег выпадает, а ты пишешь о летней смычке. Билет пикора вышлем. Работай и шли материал.

Славе Екишову (Челябинск).

Стихи слабы—не пойдут. В песне ленинцев ты говоришь, что вы „растерзали Колчака"—едва ли, тогда еще не было пионеров, Колчака судил советский суд. Прочти хорошенько „Как и о чем писать" в № 5 и ответы на стихи в № 3 и 7-м „Пионера.".

Пионеру Ельнинского отряда **Шейнину** (Смоленск. губ).

Рассказ не пойдет. Слишком слезлив. Так не бывает. Прочитай в № 5-м „Пионера" рассказ А. Баркана „Гриша" он правдивее и лучше написан.—Не поместим.

Косте Шварцеву (Кострома). **Данкову** (ст. Брянск) и **Ландау** (Самара). Не пойдет. Запоздало по теме.

Мише Блантеру. „Вперед к Октябрю"—не пойдет; очень уж ты злоупотребляешь старым словом „глас, плевела, млат"—не стоит.

Пионеру **Калибанову** (г. Орша).

„Звено воздухфлот"—используем. Шли еще материал.

Нюре Нусиновой (Москва).

Стихи ты писать еще не научилась. „Знамя сияет, барабан призывает", „в пионеры идите, знамя несите", все это перетряхивать и рифмовать просто, а читать никому неинтересно. Пиши еще,

Пикору **Боровику**.

„Что же вы братья приуныли и поникли головой", пишет Боровик западным ребятам—как раз наоборот, они не приуныли, а бодро и оживленно ведут борьбу с фашистами, помогая комсомолу. Правда, им трудно, но они не унывают.

Ну и корреспонденция!

*Недавно редакция „Пионера" получила из г. Верхнеудинска (Сибирь) от пионера Риппа корреспонденцию не много не мало в **четыре аршина**. На фотографии члены широкой редколлегии „Пионера" читают эту корреспонденцию. Хорошо писать—но читать - то каково!*

Пикору **Тюленеву**. То же, что и Нюре Нусиновой.

Пионеру **Борису Титкову** (Ростов н/Дону).

„Германским пионерам"—напечатаем. „Прощание"—слабее, не пойдет.

Пионеру **Е. Васильеву** (г. Кемь АКССР).

Таких стихов, как твои, очень много; поместить сумеем какое-либо одно.

Пионерам **Андреяшкину, Антоновой, Пестрековой** (ст. Александров, Сев. жел. дор.) Стихи слабоваты, писать вы, ребята, еще не научились.

...„ему уж работа теперь-то не так тяжела, работает он понемногу, всего только восемь часов". Разве это стихи?

В журнале не пойдет, используйте в стенгазете.

А. Романовой (Лойденское Поле, Мурманской ж. д.).

Заметка запоздала, а пьеска слишком местная, напечатать ни то, ни другое не можем. Присылай еще. Уменье писать у тебя есть.

Анисимову (Завод Красный Каучук, Москва). **Баранову** (Тула), **Лебедеву В. Рыпсову** (ст. Токуши, Петропавловской губ). **В. Горохову** и **В. Абрамову** (Бекетовка, Царицынск. губ).

Стихи слабы, попытайте еще. Эти не пойдут.

Слесарю **Кузьмину** (Москва). Не пойдет.

Всем ребятам,

приславшим запрос о пикорских удостоверениях. Редакцией заготовляется постоянный пикорский билет, который будет разослан всем пикорам в самом ближайшем времени.

Издательство „Молодая Гвардия".

Редактор: Редакционная коллегия.
Ответств. редактор. Х. Добин.

Главлит № 29982, Военная Типография Управления РККА. Знаменка, 23. Тираж 20.000.

А. Копьевский. Рис. К. Фридберга-Арман.

Время шесть часов утра,
Спать до десять—это в сказке
Протирает Миша глазки
Э-хх! Вставать уже пора!
Сделал физ приемов пару,
Зубы вычистил примерно
И на кухне самоваром
Занялся весьма усердно.
После чая Миша с книжкой,
Как-же, смена комсомолу—
Через час тетрадь под мышку
И на «паре» скачет в школу.

В школе тоже брат, не просто
От уроков обалденье.
А работа по форпосту,
А по самоуправленью!
Пот устало вытирает,
Прет домой из школы Миша.
«Что подшефа забываешь»!
Из окна детдома слышит.
Бурей налетел домой
«Мама, шамать (где тут кушать!)».
В рот пихнул кусок-другой
В клуб, доклад скорее слушать.

В клуб пришел—там два доклада,
Слушал с ревностным стараньем.
Только вспомнил—мне ведь надо
К комсомольцам на собранье!

На собранье отшумели,
Снова ряд делов нашелся.
Шевеля ногами еле,
Миша бедненький поплелся.

В «лигу помощи германским
Детям». Заседанье снова.
Там кричали неустанно:
Помощь—долг наш безусловный.
Ну, а мне то кто поможет?
Думал Мишенька, вздыхая.
Целый день (на что похоже)
Не могу глотнуть я чаю!
Между тем уж вечер; звенья
На занятия шагают
Строевые обученья
Всем отрядом начинают.

После сбора—дел десяток
Пропадать-то все равно,
Обучает октябряток
Миша целое звено.
В клуб ввалился—отвечай-ка
— «Роль для пьесы приготовил»?

— «Ты сегодня с балалайкой
Быть в оркестре дал нам слово!»
— «К шефу почему не сходишь,
Нет в кружках того другого»...
— «А в экскурсию сегодня.
Почему ты не был снова?!.
Ред-стен-газ сверкнувшим глазом
Тоже к Мишке—«Где был раньше?
«Почему ты для стенгаза
Не принес статьи, обманщик?»
В голове у Мишки дурно...
Повстречался вожотряда.
— «Мишка нынче ты дежурный
Так поддерживай порядок!»

Но не выдержал Мишуха
Где то там в углу свалился...
И заснул—стреляй над ухом!
Но кошмар ему все снился:
— Не разбойники с ножами—
Расписанья дел на завтра
Шелестя за ним бежали...

КТО ОТГАДАЛ?

Решение ребуса, помещенного в № 8-м.

„Шлем привет пионерам СССР в день Октябрьской революции“.

Правильные решения прислали:

Аннушкин (Петрозаводск), Бахирев (г. Сормово), Братчиков Ваня (Омутинск) Быков Б. (Замоскворечье, Москва), Дружинин (Москва), Вишневский и Томчен (г. Червень) Глушкин Г. (ст. Земцы, Смоленск), Заботин (Ярославль), Кирьянов С. (г. Петрозаводск), Коган Л. (Ярославль), Кривицкий Боря (Киев), Максимов Т. (Рязань), Марголис С. (Москва), Маныкин В. (ст. Пушкино), Накоров (Сормово), Осокин Н. (ст. Пушкино), Парамонов С. (Козлов), Сентянин Евг. (Орел). И. Сладков (Витебск), Сомов (Сормово), Стуруа Б. (Москва), Хоменко Е (Курск), Шербаков и Бузниев (Звенигород), Женя Янтарев (Москва) Пионеры города Мензелинска (АТССР) Звено „Прожектор“ (г. Кизел).

СОДЕРЖАНИЕ № 9:

Цена 40 коп.

ПИОНЕР

РЕБЯТА!

В каждом отряде, звене, пионерском клубе, школе, детдоме должен быть

„ПИОНЕР"

орган Центрального Бюро пионеров при ЦК РЛКСМ.

С января 1925 года „Пионер" выходит два раза в месяц.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ. На год—24 №№—5 р. 60 к., на полгода 12 №№—2 р. 95 к., на 3 м-ца 6 №№ —1 р. 55 к., цена отдельного номера—30 коп.

Адрес:

Москва, Никольская ул.,

Новая площадь, дом № 8.